ВСЕВОЛОД
ОВЧИННИКОВ
ДРУГАЯ
СТОРОНА
СВЕТА

Всеволод Овчинников

Другая сторона света (сборник)

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.161.1-43
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Овчинников В. В.

Другая сторона света (сборник) / В. В. Овчинников — «Издательство АСТ», 2016

ISBN 978-5-17-114605-4

Книга «Другая сторона света» — это сборник, в который вошли лишь рассказы о жизни автора, о курьезных и серьезных случаях из периода его пребывания в разных странах. О жизни, обычаях, кухне народов Востока. В ней практически отсутствуют экономические и политические статьи, но много личных наблюдений автора, его понимание и восприятие жизни народов Китая и Японии. Этот сборник — подарок автора своим постоянным и новым читателям.

УДК 821.161.1-43
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-17-114605-4

© Овчинников В. В., 2016
© Издательство АСТ, 2016

Содержание

Об авторе 7
Калейдоскоп жизни. Экзотические, драматические и комические эпизоды личной судьбы 8
О времени и о себе. Юный блокадник 8
Счетовод в сибирском колхозе 11
Гардемарин на Невском 13
Новогоднее дежурство новичка 16
«Разобраться и наказать» 17
Тухлые яйца как ключ к карьере 19
Русский с китайцем… Поезд Москва – Пекин 20
Творческое кредо – «грамматика жизни» 22
Иероглиф на женской груди 24
Боль на западной стороне живота 25
Культ недеяния и культ нежелания 27
Секреты монастыря Шаолинь 29
Вырванные веки Бодхидхармы 31
Азиатские секреты долголетия 33
Наперсток горячего пива 35
Змея над чашей 36
Угостят кошкой с мышкой 38
Время обнимать 40
Двенадцать календарных животных 42
Песенные состязания на «улице невест» 44
За горизонтом времени 45
Как тибетская герцогиня приглашала меня в мужья 47
Лама с мобильником 49
В Тибет по рельсам 50
Соотечественник Блаватской 52
«Кока-кола» в Китае 54
Армани из Хэнани 55
Макао – азиатский Лас-Вегас 57
Социализм с подтянутым лицом 59
Поднебесная в табачном дыму 61
Олимпийский огонь и промышленный смог 62
Пулей по рельсам 63
Лицом к диаспоре 65
Как меня водили на расстрел 67
Семьдесят на тридцать 69
Черные трусы до колен 70
Три встречи с Цзян Цзэминем 72
Как китаист стал японистом 74
У корней солнца. «Ради нескольких строчек в газете…» 76
Меч и лягушка 78
Отряд Божественного ветра 80
Первопроходец к могиле Зорге 82
Как я передавал явку 84

На собрании с Ширли Маклейн 86
Конец ознакомительного фрагмента. 87

Всеволод Овчинников
Другая сторона света

© Овчинников В.В., 2016
© ООО «Издательство АСТ»

Об авторе

Года три тому назад на книжной выставке на ВДНХ выступал Всеволод Владимирович Овчинников. Аудитория просто завалила его вопросами, людей разного поколения интересовало, как он рассматривает отношения, которые сложились между Россией, Японией и Китаем. А после выступления огромное количество людей потянулись к автору за автографом. Все пытались сказать что-то приятное, и Всеволод Владимирович, несмотря на неважное самочувствие, терпеливо отвечал всем и подписывал свои книги. Меня тогда поразило то, насколько популярен этот человек, который, будучи журналистом-международником, поставил своей целью сблизить такие разные народы, помочь им понять и принять друг друга.

В этом году автору исполняется 90 лет. Мы уже выпустили несколько сборников его книг. Но к такой круглой дате хочется сделать еще один подарок автору.

В этот сборник вошли лишь рассказы о жизни автора, о курьезных и серьезных случаях из истории его пребывания в разных странах. О жизни, обычаях, кухне народов Востока.

Когда-то, отчисляя Всеволода Овчинникова из военно-морского училища по состоянию здоровья, начальник училища сказал: «Овчинка не стоит выделки!» Но это как раз тот случай, когда «овчинка сама себя и выделала». Потому что упорство Овчинникова в повышении профессионализма, изучении и достижении целей достойно всяческого уважения. Если человек хочет, чтобы его услышали, если он хочет донести что-то до своих слушателей, он должен знать тему значительно лучше своих собеседников.

Когда-то, обучаясь в институте, Всеволод увлекался еще и греблей. Чтобы лучше запоминать иероглифы, ребята клеили бумажки с их написанием на спины впередисидящих. Так вот гребли и учились одновременно. Тяжеловато, конечно, зато впереди всегда есть цель, и она видима и достижима.

Так вот, выставляя цель, автор шел к ней, порой брал ее штурмом, порой размеренно и не спеша, как учит восточная философия. Созерцание со стороны, проникновение в суть – это ведь тоже путь познания.

Мы гордимся своим автором и желаем ему здоровья и благополучия.

(Редакционно-издательская группа «Жанровая литература»)

Калейдоскоп жизни. Экзотические, драматические и комические эпизоды личной судьбы

О времени и о себе. Юный блокадник

Мне было суждено пропустить через свою личную судьбу три четверти двадцатого века. Оглядываясь на прожитое, я порой спрашиваю себя: какой же момент моей жизни был самым радостным, самым незабываемым? И тогда, кроме общего праздника моего поколения – Дня Победы, я вспоминаю Первомай 1945 года.

Да, таким моментом для меня является незаслуженно забытый историками первомайский парад на Дворцовой площади в Ленинграде за восемь дней до конца войны. Я, девятнадцатилетний курсант военно-морского училища, стоял в парадном расчете перед фасадом Зимнего дворца, который только что обновили пленные немцы.

Потом в моей жизни было пять памятных парадов на Красной площади. Но ни разу так не трепетала, так не пела душа, как в питерский Первомай 45-го, когда мои соотечественники в далеком Берлине подняли над Рейхстагом знамя Победы. Это был поистине победный триумф для моего родного города, воскрешенного после 900 дней блокады.

Я родился, вырос и пережил блокаду в Ленинграде. Наш серый шестиэтажный дом, построенный еще в дореволюционные годы, стоит на Фонтанке напротив Никольского переулка, что ведет к собору Николая Угодника, чтимому военными моряками. Чуть правее по Фонтанке начинается Измайловский проспект.

Величественную красоту Северной столицы я увидел и оценил глазами моего отца – Владимира Овчинникова, архитектора по профессии и поэта по призванию, который не только построил в родном городе несколько зданий, но и ставил там в 20-х годах прошлого столетия свои пьесы, выпустил сборник стихов.

У отца были излюбленные маршруты, по которым он водил нас с братом гулять. Например, по Вознесенскому до Исаакиевского собора, потом к Медному всаднику и по Неве до Зимнего дворца. Или по Садовой до Невского, оттуда к Казанскому собору, а затем на Площадь искусств, к Русскому музею и Филармонии.

Мне было четыре года, когда две бабушки воспользовались тем, что мои родители отдыхали в Кисловодске, и отправились меня крестить. До Никольского собора я дошагал сам. Инициатором затеи и крестной матерью была школьная подруга мамы – оперная солистка Софья Преображенская, обладательница известного тогда всей стране меццо-сопрано. Держать на руках перед купелью упитанного четырехлетнего мальчугана ей, наверное, было нелегко.

Благодаря крестной матери я с дошкольных лет приобщился к классической музыке. «Сказка о царе Салтане», «Снегурочка», «Садко», «Руслан и Людмила», «Конек-Горбунок», «Спящая красавица», «Щелкунчик» – большинство популярных детских сказок я впервые воспринял в музыкально-сценическом исполнении. Словом, архитектурные шедевры Ленинграда, оперы и балеты Мариинки во многом повлияли на формирование моего духовного мира.

Мы жили в отдельной квартире, что тогда было редкостью. Выглядел я в довоенные годы, как типичный «гогочка» – так именовали тех, кого нынче сочли бы «ботаником». Однако, несмотря на свою бархатную курточку с бантом, я дружил во дворе с мальчишками, таскал им из отцовского шкафа «Королеву Марго» и «Остров сокровищ».

С четвертого класса я с увлечением коллекционировал марки и пешком ходил в единственный филателистический магазин на Невском. Тратил на марки все, что мать давала на школьные завтраки. Но денег не хватало. И вот однажды я решился встать вместе с нищими на

паперти расположенного поблизости от дома Троицкого собора. Вид прилично одетого мальчика в пальто с меховым воротником и ушанкой в дрожащих руках потряс прихожан. (Как-никак шел 37-й год!) За полчаса я собрал больше, чем все остальные страждущие. Но на беду партнерши бабушки по преферансу опознали меня. Пришлось поклясться ей, что никогда в жизни больше не буду просить подаяния.

Учился я, как и жил, на Фонтанке, в 264-й неполной средней школе напротив Египетского моста. Война началась ровно через три недели после выпускного вечера в нашем седьмом «А». Первые записки девочкам сменились дежурствами на крыше, которые дали повод показать свою отвагу при тушении зажигательных бомб. На школьном фасаде появилась надпись: «Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна!»

Поначалу все это выглядело романтично. Но сентябрьское зарево над Бадаевскими продовольственными складами означало, что судьба уготовила нам нечто пострашнее бомбежек и обстрелов. Из двадцати четырех моих одноклассников до весны 42-го дожили лишь семеро. Организм пятнадцатилетних мальчишек оказался особенно уязвимым для вызванной недоеданием дистрофии.

Как же удалось нашей семье пережить голод? Во-первых, мама каждое лето варила много варенья из клубники, малины, смородины. И с весны закупала сахар, чтобы, привезя с дачи ягоды, не бежать в магазин. Когда началась блокада, у нас было 12 килограммов сахарного песка – неслыханное богатство! Во-вторых, отец строил для известной обувной фабрики «Скороход» санаторий на озере Омчино, заказывал какой-то артели «буржуйки» для рабочих бытовок. И когда началась война, успел купить одну для себя.

Ведь блокада означала для ленинградцев не только голод. Когда в многоэтажных городских домах вышли из строя отопление и освещение, водопровод и канализация, остановились лифты, жизнь в них стала невыносимой. Поэтому осенью мы переехали к тетке на Петроградскую сторону, с шестого этажа на второй. (Еще повезло, что успели добраться с чемоданами и узлами на трамвае, ибо весь общественный транспорт к зиме оказался парализован.) Тетка отдала нам тринадцатиметровую комнату, где отец с матерью спали на кровати, мы с братом – на диване, а у окна поставили «буржуйку».

Отец, которому шел пятьдесят третий год, служил в аварийно-восстановительном полку. Он руководил расчисткой завалов после налетов, а также занимался защитой от бомб и снарядов исторических реликвий, вроде Медного всадника или античных статуй в Летнем саду. Через день он ночевал дома и каждый раз приносил в противогазной сумке по три полена.

Но когда начались морозы, этого стало не хватать. Пришлось ходить за топливом в свою квартиру на Фонтанке. До сих пор поражаюсь, как я умудрялся проделывать пешком такие расстояния! От Большой Пушкарской надо было пройти весь Кировский проспект, подняться на мост через Неву, пересечь Марсово поле, обогнуть Инженерный замок, выйти на Садовую, проследовать вдоль Гостиного двора к Сенной площади и, наконец, по Вознесенскому добраться до Фонтанки. А там на шестом этаже надо было распилить очередную пару стульев или этажерку, привязать дрова к детским саночкам (на которых тогда в Ленинграде чаще всего возили трупы) и спешить в обратный путь, ибо зимой темнеет рано.

Однажды я возвращался с Фонтанки, переждав очередной артобстрел в подворотне у Инженерного замка. Выйдя на безлюдное Марсово поле, почувствовал, что должен передохнуть. Присел на заснеженный холмик рядом с протоптанной людьми тропой. Стало как-то легко и светло на душе. Мелькнула мысль, что я засыпаю и могу замерзнуть. Тело стало крениться набок. Я уперся рукой о холмик, на котором сидел. И вдруг увидел под собой человеческую ногу. Разгреб снег и убедился, что сижу на трупе.

По телу словно пробежал электрический разряд. Собрав все силы, я поднялся, протер снегом лицо. И еле волоча ноги побрел к мосту через Неву. Так один из замерзших на улице ленинградцев спас мне жизнь. За что я навсегда перед ним в неоплатном долгу.

На Петроградской нам повезло: в соседнем дворе оборудовали водоразборную колонку. Таская ведра с водой и вынося параши, я всякий раз радовался, что второй этаж лучше, нежели шестой. Кстати, из-за того что полуживые жильцы выливали нечистоты прямо во дворе, под нашими окнами к весне из них образовались торосы в рост человека.

Мы выжили потому, что каждый день ели горячий суп, а утром и вечером пили сладкий чай. Главное же – мы с братом изловчились ловить на рыболовный крючок бездомных кошек. Накинув на добычу холщовый мешок, несли ее в соседний госпиталь. Сердобольные медсестры прямо через мешковину делали кошке усыпляющий укол, после чего ее можно было освежевать. Каждую тушку ели дней десять, а из обглоданных костей варили студень.

Когда, грея руки об остывающую «буржуйку», мы коротали вечера при тусклом свете коптилки, нашей единственной связью с внешним миром был громкоговоритель. Голос ленинградской поэтессы Ольги Берггольц, записи концертов из филармонии и спектаклей из Мариинки придавали нам силы. Когда 7 ноября 1941 года мы услышали трансляцию состоявшегося накануне в Москве торжественного собрания, когда узнали о том, что в этот день на Красной площади как всегда прошел военный парад, это поистине было для нас согревающим лучом надежды в холодной тьме.

Наступила весна. Холод и темнота отступили. Мать стала класть в суп собранную на пустырях лебеду. А нас, выживших старшеклассников, школа отправила за город сажать картошку. Мы отрезали и совали в землю лишь верхушку клубня, а остальное тут же с наслаждением съедали. Мой сосед по палатке, прямо как чукча из современного анекдота, по ночам выбирал из борозды посаженные накануне картофельные глазки. А ведь никто нам не говорил, что сырой картофель – лучшее средство от цинги.

Обстрелы и бомбежки продолжались, но их как-то перестали замечать. Ведь голод ежедневно косил стократно больше людей. Однажды мама сидела на подоконнике и мыла лебеду. Я в чулане за кухней искал в темноте бутыль с керосином и позвал ее на помощь. Через несколько секунд после того, как мать подошла, в подоконник угодил снаряд. Он пробил пол и разорвался между этажами. Нас слегка оглушило и обсыпало штукатуркой. Но куда больше испугался отец, когда, подойдя вечером к дому, увидел под нашим окном пробоину.

Блокаде не было видно конца. И зимовать второй раз в осажденном городе мы не решились. Дождливым осенним днем 42-го нас по Ладожскому озеру вывезли катером на Большую землю. Пока добирались эшелоном до Сибири, из нашей теплушки не раз выгружали трупы попутчиков, скончавшихся от дистрофии.

Счетовод в сибирском колхозе

Высадили нас из поезда между Тюменью и Омском. Да еще везли на грузовике километров сто к северу от железной дороги. В селе Плетнево Юргинского района Омской области нам отвели избу-пятистенку, что пустовала с тех пор, как ее владельцев раскулачили во время коллективизации.

Мать быстро освоилась с русской печью и колодцем. Труднее было привыкнуть к неожиданным визитам соседей. Они отказывались проходить в дом и молча грызли семечки в сенях, дивясь тому, что «городские едят как собаки – каждый из своей миски». Впрочем, основной темой общения вскоре стал обмен привезенных нами вещей на продукты. И тут мы научились сбивать местных жителей с толку, прося за понравившуюся им кофту «три ведра картошки, два кило муки и полсотни яиц». Привести же все это к какому-то привычному знаменателю было для покупателей непосильной задачей.

Понимая, что таким обменом долго не проживешь, мать устроилась в МТС сушить чурки для газогенераторных тракторов. А мне предложили должность счетовода в соседнем колхозе «Трудовик». Там был позарез нужен грамотный человек, хотя бы для отчетности перед районным начальством, которому постоянно требовались какие-то сведения. Меня соблазнили оплатой не в трудоднях, а в натуре: ежемесячно пуд муки, шесть пудов картошки да еще крынка молока каждое утро. Пришлось поселиться в соседней деревне у крепкой старухи, которая пекла мне в русской печи шаньги с картошкой и топила баню по-черному.

Так ленинградский подросток, не имевший ни малейшего представления о сельском хозяйстве, в шестнадцать лет оказался главным кормильцем семьи, стал ответственным за экономику и финансы трех сибирских деревень. Моей главной задачей было отбиваться от уполномоченных, тщетно пытавшихся дать очередной нагоняй председателю колхоза (приходилось говорить, что тот с утра уехал в поле, хотя на самом деле прятался за домом в бане). Набравшись у меня цифр и фактов, уполномоченные уезжали. А мне оставалось составлять и передавать по телефону в район очередные сводки: «Отчет о ходе взмета паров, прополки и сенокоса», «Отчет о ходе уборки колосовых, сева озимых и вспашки зяби», «Отчет о состоянии поголовья скота и его продуктивности».

Зимой отчетность осложнило чрезвычайное происшествие. Жертвами нападения волков на скотный двор стали две овцы. Сибиряки намеревались сжечь их как падаль. Но я попросил отдать промерзшие тушки мне. Положил на санки охапку сена, сверху привязал овец и субботним утром отправился порадовать мать и брата бараниной. Надо было пройти три километра через перелески. И тут на дорогу вышли три волка, привлеченные запахом крови. Они были похожи на больших овчарок, но как-то необычно поджимали хвосты. Вокруг не было ни души. К счастью, с собой оказались спички. Стал поджигать сено и бросать его на дорогу. Запах дыма хищникам не понравился, и они отстали.

Местные жители относились ко мне, блокаднику, приветливо и сочувственно. Женщины-солдатки – по-матерински. Когда я приходил к дояркам записывать показатели, они наливали мне ковш сливок, от которых я хмелел и тут же засыпал. У девчат был интерес иного рода, поскольку все парни старше 16 лет ушли воевать. Однажды зимой председатель послал меня на совещание в район с заведующей молочной фермой. Это была 26-летняя Клава с фигурой олимпийской чемпионки по толканию ядра.

Мы запрягли в сани председательского мерина Серко, накрылись меховым пологом и поехали через заснеженный лес. И вот среди этого белого безмолвия, этой сказочной благодати девица принялась меня тормошить. Мне было щекотно, я не понимал, в чем дело. И своей индифферентностью так разозлил соседку, что та своим могучим бедром вытолкнула меня из саней. Проваливаясь в снег, я долго брел по лесу один, пока меня не подобрали попутчики.

После этого обо мне стали петь частушку:

Вот так вот, счетовод, много понимает…
Пятью пять – двадцать пять.
Дважды два – не знает!

Словом, невинности в Сибири я так и не лишился. Зато через полгода настолько овладел двойной бухгалтерией, что за сотню яиц составлял годовые балансы соседним колхозам. Одновременно учился в районной школе, где заочно окончил восьмой и девятый классы, начал учиться в десятом. Но в ноябре 43-го нас, семнадцатилетних, призвали в армию. Провожать меня вышли все три деревни. Причем женщины по традиции «выли в голос», так что когда процессия проходила мимо нашей избы, я лишь издали махнул матери рукой.

Гардемарин на Невском

Итак, в ноябре 1943 года нас, семнадцатилетних, призвали в армию. Отправили в 12-й Отдельный учебный стрелковый полк Сибирского военного округа, в город Каинск, куда в царские времена ссылали за убийства. Наш противотанковый артдивизион размещался в старинном остроге: батареи – в общих камерах, а сержантский состав – в одиночках. К счастью, тюремных нравов в этих зловещих стенах не было и в помине. Наоборот, царила атмосфера, которую можно назвать «дедовщиной наоборот».

Мои сверстники – сибирские парни, как и старослужащие – сержанты-фронтовики относились ко мне, ленинградцу-блокаднику, еще не оправившемуся от истощения, с трогательной заботой. Не разрешали толкать плечом пушку, таскать ящики со снарядами и вообще перенапрягаться. Зато мне поручали выступать от дивизиона на комсомольских активах или полковых митингах – вроде того, что проводился по случаю встречи Сталина, Рузвельта и Черчилля в Тегеране.

Весной 1944 года я окончил полковую школу и готовился отправиться на фронт как командир 45-миллиметровой противотанковой пушки. С этим «оружием самоубийц» у меня было немного шансов дожить до конца войны. Но тут пришел приказ Верховного главнокомандующего откомандировать из строевых частей в военные училища всех новобранцев со средним образованием или мобилизованных из десятого класса.

Так я снова оказался в родном Питере, в военно-морском училище, что поныне находится в Адмиралтействе. Нашими кумирами были персонажи Станюковича, наследники традиций парусного флота с их обостренным чувством долга и чести. Этим благородным щеголям мы стремились подражать и внешне, фетишизируя каждую деталь военно-морской формы.

Чтобы брюки казались более расклешенными, мы натягивали их на фанерные клинья. Тельняшки и суконные форменки ушивали так, что они одевались с трудом, как джинсы у современных женщин. Дабы не выглядеть салагой, было принято до голубизны вытравливать хлоркой матросский воротник. Шинель укорачивали почти до колен, а ленточки на бескозырке, наоборот, удлиняли. Когда лощеный гардемарин выходил на Невский, все девушки, как нам казалось, провожали его восхищенными взглядами.

Для меня эта морская романтика была особенно разительным контрастом. Как уже упоминалось, в сибирской полковой школе, где я начинал военную службу, наша батарея занимала общую камеру старинного острога. Кормили же нас в крытом тюремном дворе. Щи подавали в ведрах, а кашу с консервами – в больших банках от американской тушенки. Каждый носил в противогазной сумке эмалированную миску, а за поясом – алюминиевую ложку. И вот я, сержант-артиллерист в обмотках, попадаю под своды Адмиралтейства, где в обеденном зале все как в мирное время – белые скатерти, фарфор, столовые приборы.

Призванный в 1943 году из десятого класса, экзамены на аттестат зрелости я сдавал уже в Ленинграде, на подготовительном курсе. А поскольку получил одни пятерки, мог выбрать любое училище. И не использовал шанс обрести хорошую гражданскую специальность инженера-кораблестроителя лишь потому, что тогда пришлось бы, как медику или интенданту, носить на погонах серебряные якоря. Лишь курсанты училищ, готовивших офицеров плавсостава, ходили с золотыми, что в мои девятнадцать лет казалось важнее всего.

В выходные дни гардемарины с золотыми якорями танцевали в левой части Мраморного зала на Васильевском острове. Надо сказать, что ленинградки 40-х годов отлично разбирались в знаках отличия и особенностях морской формы. Например, танцуя с гардемарином, девушка никогда не клала левую руку на девственно чистый матросский воротник, а старалась поместить пальцы под него, что к тому же усиливало ощущение близости партнеров.

На танцевальных вечерах мы привыкли сознавать себя самыми желанными кавалерами. Но кроме юношеского снобизма было в нас и некое донкихотство. Мы, четверо сокурсников, высматривали у входа в зал девушек, весь вечер бесплодно прождавших, что кто-нибудь обратит на них внимание. И приглашали их на три заключительных танца. Причем всякий раз происходила сказочная метаморфоза. Невзрачные создания как бы расцветали изнутри. Их засиявшие глаза совершенно преображали внешность. Появлялось даже желание завязать очередной роман. Но мы исчезали столь же внезапно, как появлялись. Ибо, подобно Золушке, должны были вернуться к 23.45, то есть быть в училище за четверть часа до полуночи.

Однажды весной наш курс на месяц лишили увольнений. Можно было только звонить родным и знакомым по телефону-автомату. А моя девушка настаивала, чтобы я непременно пришел поздравить ее с днем рождения. Дескать, знакомый ее подруги из Военно-морской медицинской академии бывает в городе почти каждый день. Вместе с приятелем, услышавшим такие же упреки, мы решили сбежать в самоволку.

Фасад Адмиралтейства, обращенный к Зимнему дворцу, тогда ремонтировали пленные немцы. И вот они, как и многочисленные прохожие, с изумлением увидели двух гардемаринов с палашами, которые спускались с третьего этажа по строительным лесам. Мы благополучно навестили своих знакомых и к вечерней поверке вновь встретились в Александровском саду.

Попробовали войти через проходную. Авось старшекурсник на посту не поднимет шума. Но на беду рядом с ним оказался дежурный офицер. Мы кинулись бежать через Дворцовую площадь. Лейтенант кричал нам вслед и стрелял в воздух из пистолета. Приятель устремился к арке Главного штаба, где его задержали прохожие в военной форме. А мне удалось добежать до Эрмитажа и скрыться в одном из подъездов.

Даже в два часа ночи в Питере все еще было светло, и я увидел возле проходной усиленные патрули. Тогда я вышел на Неву к одной из арок Адмиралтейства. Створки ее ажурных ворот сходились под небольшим углом. Так что между ними и натянутой сверху колючей проволокой оставался зазор. Без труда поднялся по чугунному кружеву, но зацепился за проволоку. Пришлось вылезать из собственных брюк. Впрочем, одежду надо было все равно снять, чтобы запрятать ее в гальюне и потом частями перетаскать в казарму. Дабы скрыть мое отсутствие, друзья сделали на койке куклу из одеяла. Ну а пойманный одноклассник, разумеется, меня не выдал, хотя получил за это максимальный срок гауптвахты.

После дизельного факультета я мог стать командиром подводной лодки. А мой однокурсник Владимир Чернавин даже дослужился до Главнокомандующего Военно-морским флотом СССР. Но на третьем семестре кто-то обратил внимание, что при стрельбе из пистолета я щурюсь. Проверили зрение – выявили близорукость (последствие блокадной дистрофии). А носить очки считалось неприличным для морского офицера. Начальник училища иронично изрек: «Овчинка выделки не стоит!»

Обладателя фамилии Овчинников подобный каламбур отнюдь не веселил. С трудом выхлопотал направление в Москву, на морской факультет Военного института иностранных языков. Но там меня в середине года никто не ждал. Тем более что после войны ВИНЯ был даже более элитарным заведением, чем нынче МГИМО. Туда брали генеральских детей да мастеров спорта.

Еле уговорил зачислить меня до вступительных экзаменов в караульную роту: день стоишь часовым, день драишь гальюны. А впереди – сочинение, английский, история.

Сдал все на пятерки. Но приняли совсем не поэтому. А потому что я сам попросил зачислить меня на китайское отделение. Откуда-то взявшаяся дальновидность предопределила мою дальнейшую жизнь. В 1947 году в ректорате лежало 17 заявлений от первокурсников-китаистов со слезными просьбами перевести их на любой другой язык. Не только из-за трудностей иероглифики. Казалось, что китайская революция на грани поражения, и самый трудный язык

никому не хотелось учить. Поэтому мое заявление использовали для воспитательной работы. Вы, мол, дезертируете, а люди сами просятся…

Через два года в гражданской войне между Чан Кайши и Мао Цзэдуном произошел перелом, была провозглашена Китайская Народная Республика, и моя профессия вдруг стала самой модной. Вплоть до того, что журнал «Новый мир» в 1950 году опубликовал мою дипломную работу «Советская литература в Китае».

Вскоре после этого меня на выпускном курсе прикрепили переводчиком к одной из первых делегаций из Пекина. В программе было посещение «Правды». Ее тогдашний главный редактор Леонид Ильичев и один из основателей компартии Китая Линь Боцюй оба слыли философами и изощрялись в остроумии. Шуток гостя я часто не понимал, а остроты хозяина не знал, как перевести. Но смело импровизировал, так что собеседники остались в восторге друг от друга и от моих языковых способностей. Ильичев заметил: «Вы неплохо знаете Китай. Никогда не пробовали сами писать на дальневосточные темы?»

Я рассказал о статье в «Новом мире». Ильичев попросил принести ему номер. В итоге появился приказ министра обороны Малиновского: «Откомандировать старшего лейтенанта Овчинникова в распоряжение главного редактора «Правды». Так определилась моя судьба на последующие сорок лет. Я ушел из своей журналистской альмаматер весной 1991-го, за несколько месяцев до ГКЧП.

Новогоднее дежурство новичка

Итак, осенью 1951 года меня, выпускника Военного института иностранных языков, взяли в «Правду» как китаиста с перспективой работать в Пекине. Подошел Новый год. И самого молодого «правдиста», литсотрудника отдела стран народной демократии, естественно, поставили дежурить на праздник.

Еще со времен Марии Ильиничны Ульяновой было принято за полчаса до полуночи собираться в конференц-зале, дабы выпить с главным редактором по бокалу шампанского. Эта давняя традиция всегда служила ширмой для подпольных пирушек по кабинетам.

Так было и теперь. Собрались сначала все международники, потом все соседи по третьему этажу. В конференц-зал пришли последними и весьма навеселе. Почти все места были заняты. И какой-то шутник посоветовал мне: «Садись рядом с главным, ведь это будет неофициальная встреча».

Вошел Леонид Ильичев. И увидел, что на месте его первого заместителя уселся, можно сказать, новобранец. Он тут же понял причину подобной фамильярности и как человек с юмором, любивший проверять людей в неординарных ситуациях, сказал: «В отличие от прошлых лет, с новогодним тостом на сей раз выступит не главный редактор, а самый молодой член нашего коллектива. А коль скоро он востоковед, пусть произнесет свою речь по-китайски и переведет. Пожалуйста, товарищ Овчинников».

Я разом протрезвел и бойко начал. По-китайски можно было говорить что угодно. Но что сказать по-русски? Начал с того, что 1951 год ознаменовался созданием отдела стран народной демократии. И предложил выпить за то, чтобы он из года в год рос и в конце концов стал единственным из международных отделов.

Ильичев приветливо кивнул. Считай, мол, что выдержал экзамен. После этого мы на радостях продолжили подпольное празднование. Я в конце концов заснул у себя на диване (тогда они стояли во всех кабинетах, ибо газета нередко выходила под утро).

Среди ночи меня разбудила курьерша: первую полосу переверстали, так как неожиданно пришло новогоднее приветствие Сталина японскому народу. Надо было сокращать и заново вычитывать мою колонку «В странах народной демократии». Газета вышла лишь на рассвете.

«Всю жизнь будешь теперь вспоминать эту Страну восходящего солнца!» – пошутил выпускающий. И оказался пророком. Ссора между Мао Цзэдуном и Хрущевым заставила меня переквалифицироваться с Китая на Японию. Через десять лет после описанного эпизода я поехал работать в Токио. А через двадцать лет коллеги знали меня уже не как китаиста, а прежде всего как автора «Ветки сакуры».

«Разобраться и наказать»

Военный институт иностранных языков готовил кадры для Генерального штаба. Знания языка и страны я получил хорошие. А вот о профессии журналиста не имел понятия. Пришлось изучать газетное дело буквально с азов, на рабочем месте.

Впрочем, я не был исключением. Среди молодых международников практически не было выпускников факультетов журналистики. В газету предпочитали брать страноведов, то есть людей со знанием языков и регионов. Ну а журналистские навыки надо было обретать на практике. К примеру, я, китаист, который потом стал еще и японистом, должен был держать в поле зрения Дальний Восток, тогда как арабист Евгений Примаков занимался Ближним Востоком. Были у нас профессиональные индологи, германисты, американисты.

Всем нам до выезда за рубеж надо было научиться делать газету, то есть дежурить по номеру – сначала в паре с более опытным коллегой, а потом и самостоятельно. Дежурный по отделу отвечал за все, в том числе и за орфографию, хотя она, строго говоря, входила в компетенцию корректуры.

Всех нас глубоко потряс трагический случай с ветераном-правдистом, который работал в газете с 30-х годов. В его дежурство шла статья о войне, где цитировался приказ Верховного Главнокомандующего. Линотипист на беду пропустил букву «л» в слове «Главнокомандующий». Получилось нечто весьма неблагозвучное.

Ошибку прозевали и корректор, и дежурный, и «свежая голова». Слава богу, не заметили ее и в Кремле, а то дело могло бы кончиться роковой 58-й статьей. Но через пару дней пришла возмущенная телеграмма от какого-то бдительного пенсионера (мы их называли «народными мстителями»). Надо было реагировать. И ветерана уволили без положенной ему по стажу повышенной пенсии.

Главной заботой дежурного по моему отделу было подготовить колонку «В странах народной демократии» для первой страницы газеты. Она должна была быть событийной и при этом разнообразной как тематически, так и географически.

Старожилы редакции учили меня, что, получив заметку от собственного корреспондента, следовало поинтересоваться: сообщал ли об этом ТАСС? Если в материале официального агентства было нечто важное, что отсутствовало у нашего собкора, такой абзац ему надлежало вставить.

В день, о котором пойдет речь, наш собкор из Варшавы передал, что Генеральный секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии Болеслав Берут посетил площадку, выделенную столице для возведения Дворца культуры и науки, проинспектировал подготовку к строительству, подробно ознакомился с проектом. В аналогичной тассовке говорилось, что Берут «ознакомился с проектом и одобрил его». Я усмотрел в этом важный нюанс и, вырезав данную фразу из телеграфной ленты, вклеил ее нашему корреспонденту.

Прочитав на другой день газету, наш посол в Польше обвинил местного правдиста в грубой политической ошибке. Дескать, Дворец культуры и науки – это дар товарища Сталина Варшаве. Так что одобрять или не одобрять его проект не вправе никто, в том числе и Берут.

К счастью для нашего собкора, он передавал заметку телеграфом и предъявил текст, где таких слов не было. Тогда посол отправил шифрованную телеграмму «верхом». Она прежде всего попала к куратору строительства высотных зданий – Лаврентию Берии. Тот написал на ней два слова: «Разобраться и наказать».

До сих пор поражаюсь, как после такой резолюции я остался цел и невредим. Могу объяснить это лишь феноменом, который физики называют «момент силы». Слишком уж сокрушителен был удар и слишком ничтожен объект.

Главному редактору «Правды» поставили на вид. Заведующий отделом стран народной демократии получил выговор. Ну а меня на три недели отстранили от дежурства. Это было очень кстати после моей только что состоявшейся свадьбы. Коллеги-международники очень радовались за меня. Сбегали через дорогу в гастроном за выпивкой и отпраздновали мою удачу.

Надо сказать, что и при Сталине мы часто пировали по кабинетам по всякому поводу. Представление о том, что в условиях тоталитаризма все ходили по струнке, ошибочно. Как ни парадоксально, сталинская эпоха благоприятствовала служебным романам. Рабочий день в газете официально начинался в три часа дня и кончался в полночь. По графику газета выходила в три часа утра, фактически же – около пяти. Поэтому в каждом кабинете еще с военных лет стоял диван. Мы были молоды, в большинстве холосты. А в одном лишь отделе писем работало несколько десятков выпускниц юрфака МГУ. Не говоря уже о комсомолках из расположенной как раз над нами «Комсомолки».

Словом, зажатыми в какие-то тиски мы себя отнюдь не чувствовали. На сей счет ходила басня. Дескать, кто-то из правдистов после полуночи выбросил в окно пустую водочную бутылку, которая угодила постовому по голове. Разразился скандал, приехала милиция. Стали нюхать каждого, кто выходил из здания. Невиновного так и не установили. Ибо водкой пахло поголовно от всех, и только от лифтерши тети Поли пахло портвейном «три семерки».

Тухлые яйца как ключ к карьере

Мое первое знакомство с восточной, а точнее сказать с китайской, кулинарией было внезапным, но судьбоносным. В том смысле, что данный эпизод открыл мне путь к работе за рубежом.

Дело было в конце 1952 года. Я уже больше года трудился в редакции «Правды» и как первый в коллективе профессиональный китаист имел перспективу работать в Пекине. Но в 26 лет об этом, разумеется, нечего было и мечтать. На постоянную работу за рубеж посылали только людей со стажем и именем, как минимум сорокалетних.

В первые годы существования КНР китайская тема была приоритетной. Поэтому, когда автор книги «Сражающийся Китай» Константин Симонов вернулся из очередной поездки в эту страну и привез нам свои новые очерки, его лично приветствовал главный и все члены редколлегии.

Симонов рассказал о своих впечатлениях и в качестве экзотического сувенира передал коробку с какими-то глиняными комками. Он, мол, получил их от китайских друзей во время проводов в пекинском аэропорту.

– У нас ведь есть молодой китаист. Этот, как его, Овчинников, – сказал главный редактор. – Позовите его сюда!

Увидеть сразу все руководство «Правды» да еще живого Константина Симонова было для меня полной неожиданностью.

– Вы ведь специалист по Китаю, товарищ Овчинников, – обратился ко мне Ильичев. – Может быть, вы знаете, что это такое?

– Конечно, знаю, – самоуверенно ответил я. – Это императорские яйца. Их обмазывают глиной и хранят полгода. Поэтому среди иностранцев они известны как «тухлые яйца».

– А вы можете съесть такое яйцо?

– Конечно, могу, – нахально подтвердил я, хотя о китайской кухне знал только понаслышке.

– Тогда покажите нам, как это делается!

Я взял одно из яиц, дважды ударил им об стол. Сначала обсыпалась глина, смешанная с кунжутным семенем. Потом лопнула бурая скорлупа. Стал виден черный желеобразный белок, позеленевший желток. Зрелище было кошмарное, а запах – еще хуже. Собрав волю в кулак, я отколупнул скорлупу, засунул перетухшее яйцо в рот и съел его.

Все были поражены, а именитый гость – особенно. По словам Симонова, маршал Лю Бочэн – «китайский Чапаев» – угощал его императорскими яйцами в Чэнду, но писатель при всем уважении к хозяевам отведать их так и не решился.

– Теперь я убедился, что среди правдистов действительно есть специалист по Китаю! – сказал Константин Михайлович.

Хочу отдать должное Ильичеву. Он тут же вызвал заведующего отделом кадров и сказал ему:

– Оформляйте Овчинникову загранпаспорт. Он достаточно подготовлен, чтобы ехать на постоянную работу в Китай!

Так я стал самым молодым зарубежным собкором не только в «Правде», но и вообще в стране. А «суньхуа дань» – императорские яйца – стали для меня ключом к журналистской карьере.

Русский с китайцем… Поезд Москва – Пекин

В конце марта 1953 года я впервые уезжал на постоянную работу за рубеж. Страна еще находилась под впечатлением похорон Сталина. В поезде Москва – Пекин циркулировали слухи, будто на Транссибирской магистрали неспокойно: Берия, мол, выпустил из тюрем уголовников, которые шастают по вагонам. Поэтому лучше питаться в купе, а на остановках выходить по очереди.

Путь предстоял долгий: до пограничной станции Отпор (ныне Дружба) – семь дней. Да еще два с лишним дня на китайском поезде от станции Маньчжурия до Пекина. Мы с женой ехали в довоенном «СВ» с отдельным санузлом. Родственники принесли на Ярославский вокзал столько еды, что хватило бы на кругосветное путешествие. У нас были кастрюля пирожков, жареная курица, трехлитровая банка огурцов, большая жестянка черной икры, копченая колбаса, варенье. Из-за отсутствия холодильника требовалось использовать все это ускоренными темпами. И все же было интересно охотиться на остановках за местными деликатесами – от горячей картошки до копченого омуля.

Путешествие по Транссибирской магистрали в целом оказалось более приятным, чем мы ожидали. Потом многократно повторяли его, добавляя к отпуску лишние две недели. Главное было подобрать хорошую компанию с гитарой. А поскольку данным поездом также ездили в отпуск коллеги из Пхеньяна и Ханоя, найти попутчиков было легко.

В Отпоре из состава всех высадили. После таможенного и пограничного контроля пассажиров доставили в китайскую гостиницу на станции Маньчжурия. Там мы с наслаждением приняли душ. Но еще больше порадовал ресторан. К жареной индейке подали салат из помидоров и огурцов. А свежие овощи в марте тогда москвичам и не снились.

Северо-Восточный Китай в 1931–1945 годах был японской колонией. В марионеточном государстве Маньчжоу-го дислоцировалась Квантунская армия, для которой модернизировали транспортную сеть. После обшарпанной Сибири нас удивили щегольские вокзалы с крытыми перронами. Пугали только люди – каждый прикрывал рот и нос марлевой повязкой. Рядом, в Корее, шла война, в ней участвовали китайские добровольцы. И были опасения, что американцы применят бактериологическое оружие.

И вот наконец Пекин. Старое здание вокзала находилось напротив городских ворот, за которыми расположена площадь Тяньаньмэнь перед императорским дворцом. Не меньше, чем древние постройки, удивляли потоки рикш и велосипедистов при полном отсутствии других видов транспорта.

Корпункт «Правды» помещался возле главной торговой улицы Ванфуцзин, в переулке с поэтическим названием Колодец сладкой воды. Это был типичный пекинский «сыхэюань», то есть четыре одноэтажных флигеля, обрамлявших квадратный дворик. Красные переплеты окон, оклеенных папиросной бумагой. Земляные полы, застланные циновками, из-под них выползали скорпионы. Буржуйки, чтобы греть воду для ванной и отапливать помещение зимой. Даже в сравнении с московской коммуналкой бытовые условия, мягко говоря, не впечатляли.

Зато за завтраком мы были восхищены тем, что китаец-повар поставил на стол большое блюдо фруктов, где кроме груш, винограда и бананов были неведомые нам манго, папайя. А про жареных голубей или экзотические китайские кушанья и говорить нечего.

Расположенный в пяти минутах ходьбы от корпункта Центральный универмаг наповал сразил обилием товаров по вполне доступным для нас ценам. Жена не устояла перед соблазном купить первые в ее жизни часики, а также шерстяные нитки синего цвета, которые вот уже полвека так и лежат у нас на антресолях.

Сами китайцы жили тогда очень скромно. На ставку водителя мы могли содержать и шофера, и уборщика, и повара. А наша переводчица Наташа – из харбинской семьи русских эмигрантов – имела более высокую зарплату, чем главный редактор «Жэньминь жибао». Однако при своей бедности пекинцы отличались поразительной честностью. Деревянные двери жилищ не запирались. На ночь их просто закрывали на щеколду.

Я часто посылал нашего уборщика (бывшего рикшу) с чеком в банк. И он возвращался через весь город с пачками денег, привязанными к багажнику велосипеда. Советским людям запрещалось ездить на рикшах, от чего страдали наши женщины при поездках за покупками. Одна соотечественница украдкой сошла за два квартала до посольства, щедро заплатив вознице. Но тот преследовал ее до самой проходной, пытаясь вручить сдачу.

В 50-х годах любого иностранца уважительно приветствовали словом «сулянь» (советский) и обращались к нему не иначе как к «старшему брату». Когда романтический дух солидарности и самопожертвования, присущий первой пятилетке, сменился меркантилизмом рыночных отношений, китайцы сильно изменились. Причем не всегда в лучшую сторону. Попав в Пекин в 90-х годах, я был поражен обилием металлических дверей и решеток на окнах. В городе, который не знал замков, участились кражи. И даже уличные торговцы теперь норовят обмануть покупателя трижды: на цене, на весе и на сдаче.

Творческое кредо – «грамматика жизни»

В 50-х годах я семь лет был корреспондентом «Правды» в Китае, в 60-х – семь лет в Японии, в 70-х – пять лет в Англии. Написал об этих странах девятнадцать книг, разошедшихся общим тиражом в семь миллионов экземпляров.

Поскольку в любой стране автор после уплаты налогов получает не менее доллара с каждой проданной книги, зарубежные коллеги были убеждены, что подобный коммерческий успех принес мне не менее семи миллионов долларов.

Но, во-первых, интеллектуальная собственность у нас недооценивалась. В советские годы я получал не по доллару, а по две копейки за экземпляр. Да и эти 140 тысяч брежневских рублей после гайдаровской инфляции превратились в 43 американских доллара. Так что ни яхты, ни виллы у меня нет. Человек, входивший в первую десятку журналистов-международников страны, оказался в категории «новых бедных»…

После путча «Правду» закрыли, а новый руководитель Гостелерадио – демократ первой волны – отстранил меня от воскресной «Международной панорамы», где я тринадцать лет был одним из ведущих.

Пришлось на четыре года уехать в Китай как бы в сахаровскую ссылку – принять приглашение агентства «Синьхуа» на черновую работу в его русской службе. Спасибо «Российской газете», которая предложила писать для нее из Пекина, а потом взяла в штат обозревателем, каковым я являюсь и поныне.

Когда прошла прозападная эйфория козыревского периода, была реабилитирована и моя репутация одного из ведущих востоковедов. Меня включили в состав Российско-китайского комитета дружбы, мира и развития, а также Российско-японского комитета XXI века.

Но вернусь к старым временам. Я проработал в газете почти двадцать лет, написал три книги о Китае и три книги о Японии, когда ощутил некое чувство неудовлетворенности от традиционного журналистского жанра. Захотелось рассказать читателям не только об актуальных политических, экономических и социальных проблемах данной зарубежной страны, но и о той почве, в которой эти проблемы коренятся, о той атмосфере, в которой они прорастают, развиваются и вызревают.

После возвращения из Токио в Москву я опубликовал в журнале «Новый мир» книгу «Ветка сакуры. Рассказ о том, что за люди японцы». Именно ее можно считать воплощением моего творческого кредо: убедить читателя, что нельзя мерять чужую жизнь на свой аршин, нельзя опираться лишь на привычную систему ценностей и критериев, ибо они отнюдь не универсальны, как и грамматические нормы нашего родного языка.

Попытка создать путеводитель по народной душе, сформулировать «грамматику жизни», дабы объяснить незнакомую страну через ее народ, была новшеством для нашей тогдашней публицистики. Но дело не только в своеобразии замысла. И не только в том, что «Ветку сакуры» впервые опубликовал Александр Твардовский, когда выход каждого номера его столь же опального, сколь и популярного «Нового мира» становился событием в духовной жизни страны. Хотя оба этих обстоятельства, безусловно, усилили редкий для журналистской книги резонанс.

Главной причиной поразительной для самого автора популярности «Ветки сакуры» стало другое. Читатель воспринял это произведение как призыв смотреть на окружающий мир без предвзятости, без идеологических шор. Самой большой в моей жизни похвалой были тогда слова Константина Симонова: «Для нашего общества эта книга – такой же глоток свежего воздуха, как песни Окуджавы…»

Но именно поэтому «Ветка сакуры», а десять лет спустя «Корни дуба» вызвали нарекания идеологических ведомств. Обеим книгам досталось по полной программе: приостанавливали

подготовку к печати, рассыпали набор, требовали изменений и сокращений. Пришлось кое в чем пойти на компромиссы.

В Японии «Ветка сакуры» стала бестселлером. (Жаль лишь, что СССР не был участником Конвенции об авторском праве и издатели ничего мне не заплатили.) Даже британцы, скептически относящиеся к попыткам иностранцев разобраться в их национальном характере, встретили английское издание «Корней дуба» весьма благосклонно.

Однако это укрепило позиции не автора, а его критиков. Дескать, идейные противники СССР не случайно ухватились за эти писания, ибо присущая им идеализация капиталистической действительности, отсутствие классового подхода льют воду на их мельницу. Таков был официальный вердикт для обеих книг. Лишь в 1985 году, после неоднократно отклоненных представлений, дилогия «Сакура и дуб» была удостоена Государственной премии в области литературы.

Мы часто повторяем слова поэта: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить…» Вступая в эпоху глобализации, нам надо осознать, что такого «общего аршина» не должно быть и при подходе ко всем другим народам. Именно эта истина позволяет моим книгам сохранять актуальность.

Иероглиф на женской груди

Как я уже отмечал, моим творческим кредо в журналистике можно назвать попытку создать психологический портрет зарубежного народа, как бы путеводитель по его душе. Но ведь не зря говорят: «Чужая душа – потемки». Это как бы иероглиф, смысл которого доступен лишь посвященным.

Вся система образов в восточном искусстве – некая иероглифика. К примеру, пион символизирует у народов Дальнего Востока весну и юность, лотос – лето и молодость, хризантема – осень и пожилой возраст, а слива, расцветающая под снегом, – зиму и необходимую в старости жизнерадостность среди невзгод.

Когда-то в Пекине я объяснял все это одному нашему дипломату и его супруге – пышной даме бальзаковского возраста. Мы сидели под платаном в уличной харчевне, а с ветвей свешивались бумажные ленты с надписями, восхвалявшими здешнюю лапшу.

– Как я завидую вам, Всеволод, что вы освоили эту китайскую грамоту, – говорила мне дородная соотечественница оперным контральто. – Я порой глаз не могу оторвать от иероглифов. В них столько гармонии, столько эстетизма! Кстати, попросите, пожалуйста, хозяина отрезать мне на память вот этот иероглиф и, пожалуй, еще вот этот…

Несколько удивленный, владелец харчевни выполнил просьбу иностранки. Та убрала куски бумажной ленты в сумочку, а потом отнесла их портному и попросила вышить иероглифы золотом на вечернем бархатном платье. В нем она и отправилась с мужем на прием по случаю национального праздника Китая.

Премьер Госсовета Чжоу Эньлай чуть не упал от изумления. Ведь на одной груди супруги дипломата было написано «вкусно», а на другой – «дешево».

Этот эпизод я рассказываю в назидание своим внукам, которые любят носить майки со всякими непонятными надписями.

Каюсь, недавно сам купил в Токио майку с объявлением из японизированных английских слов: «Секс-инструктор. Первый урок бесплатно». Надевал ее в Ялте, но никакого отклика надпись не вызвала. Хочу верить, что не из-за моего возраста, а просто из-за того, что у нас еще плоховато знают восточные языки.

Боль на западной стороне живота

Когда в 50-х годах я приехал на постоянную работу в Пекин, жители китайской столицы поразили меня тем, что им как бы генетически присуще безупречное чувство направления. Спросишь первого встречного: «Как пройти на центральный телеграф?» И вместо привычных слов – прямо, направо, налево – слышишь: «Пройдите три квартала на восток и сверните на север. Третье здание за углом».

Можно подумать, каждый пекинец – штурман дальнего плавания! Шанхайцы придумали про своих извечных соперников такой анекдот. Житель Пекина потерял сознание на улице. «Скорая помощь» доставила его в больницу. Там его на каталке долго возили по коридорам, наконец положили на операционный стол. Хирург спросил пришедшего в себя пациента: «Где болит?» И тот, не задумываясь, ответил: «На западной стороне живота…»

Чувство направления не случайно присуще уроженцам таких древних азиатских столиц, как Пекин и Сиань в Китае, Киото и Нара в Японии. Если на Западе люди привыкли связывать свою судьбу с астрологией, то есть с расположением небесных тел в момент их рождения, то на Востоке аналогичную роль играет геомантия – зависимость от окружающих элементов ландшафта. Китайцы называют это «фэн-шуй», буквально – «ветры и воды».

Именно в соответствии с правилами «фэншуй» и был некогда спланирован Пекин. Все его улицы идут или с севера на юг, или запада на восток и пересекаются только под прямыми углами. Поэтому план китайской столицы напоминает лист тетради в клеточку.

«Мишень, пронзенная стрелой» – таков прототип китайского иероглифа «чжун» – середина. (Нечто вроде русской буквы «ф.) Чжунго – Срединное государство. Так именуют китайцы свою страну с тех пор, как император Цинь Шихуан в 221 году до нашей эры объединил семь враждовавших княжеств в бассейне Хуанхэ и построил Великую стену для защиты от набегов кочевых племен.

Китайцы с глубокой древности привыкли считать свою страну центром Поднебесной, а на другие народы взирать как на варваров или своих вассалов. Этот наивный эгоцентризм наложил глубокий отпечаток на национальный характер. Под его воздействием в сознании китайских правителей укоренилось пренебрежение к остальному миру – изоляционизм и консерватизм. Это привело к роковым последствиям: с середины девятнадцатого века Китай стал объектом колониальной экспансии западных держав и Японии.

Если Китай – центр Поднебесной, а Пекин – столица Срединного государства, то центром столицы должен быть императорский дворец. Мало найдется в мире городов, являющих собой столь безупречное воплощение единого архитектурного замысла. Запретный город, то есть ансамбль из 9999 дворцовых помещений, симметрично расположен относительно линии, которая проходит от южных городских ворот до северных. Она служит осью планировки исторической части города. На этой восьмикилометровой прямой расположены все архитектурные доминанты старого Пекина.

Своей расчерченной симметрией город отражает присущий китайскому характеру рационализм, склонность к субординации и порядку. Именно такую столицу должен был построить себе народ, который возвел в ранг религии то, что мы привыкли называть «китайскими церемониями».

То, как сложились эти черты, помогут понять три ключа к китайской душе. Это «три великих учения» – конфуцианство, даосизм и буддизм. Их зарождение совпадает по времени с расцветом древнегреческой цивилизации. Но в отличие от Древней Греции философия в Китае существовала не сама по себе, а была непосредственно подчинена политической практике.

В наибольшей степени это относится к конфуцианству. Строго говоря, оно не религия, а морально-этический кодекс, ибо его главная цель – нравственное совершенствование чело-

века. На вопрос учеников, почему он никогда не говорит им о загробной жизни, Конфуций ответил: «Пока люди не научились правильно относиться друг к другу в этом мире, какой смысл рассуждать о мире потустороннем».

Конфуций появился на исторической сцене 25 веков назад, в эпоху Сражающихся царств, в смутное время нескончаемых междоусобиц, когда главным стремлением людей была жажда мира и порядка. Проблемы управления государством, отношений верхов и низов общества, нормы нравственности и морали – вот стержень конфуцианства.

«Государь должен быть государем, а подданный – подданным. Отец должен быть отцом, а сын – сыном». Эта ключевая фраза из книги Конфуция «Размышления и слова» имела в эпоху раннего феодализма прогрессивное звучание. Ведь она означала, что на преданность подданных вправе рассчитывать лишь справедливый государь, на сыновнюю почтительность – лишь хороший отец.

Неудивительно, что гуманистическая сущность этого учения вступила в противоречие с феодальным деспотизмом Цинь Шихуана. В 213 году до нашей эры он приказал сжечь сочинения Конфуция и живьем похоронил 420 его последователей. Однако потом в течение двух тысяч лет конфуцианство почиталось властями как официальная идеология. Главным критерием при конкурсе на государственную должность было знание классических конфуцианских текстов. А склонность к иерархии, гармонии и порядку, проще говоря, к тому, что мы называем «китайскими церемониями», стала ключевой чертой китайского характера.

Культ недеяния и культ нежелания

Если конфуцианство родилось как протест против смутного времени, то даосизм можно считать реакцией на деспотию власти. Основатель этого учения Лаоцзы называет словом «дао» (буквально – «путь») естественный ход возникновения, развития и исчезновения всех вещей, а также поведение, соответствующее природе человека и законам Вселенной. Даосизм осуждает не только деспотический произвол, но и моральные заповеди. Это призыв сбросить оковы власти, бремя обычаев и традиций, вернуть народ к примитивной простоте и неведению.

Главными принципами поведения Лаоцзы называет естественность и недеяние. Для сильных мира сего это означает «управлять не управляя», избегать принуждения, не делать лишних усилий. Когда Лев Толстой описывал поведение Кутузова накануне Бородинской битвы, он находился под впечатлением книги Лаоцзы, которую перевел на русский язык.

Лаоцзы – первый китайский философ, изложивший законы движения и перемен. Он трактует мир как единство противоположностей, которые превращаются друг в друга. Пословица «нет худа без добра» целиком соответствует даосскому мировоззрению. Взаимное превращение противоположностей означает, что все качества равноценны. В отличие от христианства здесь нет противопоставления добра и зла, учености и невежества.

Даосизм был в Китае как бы диссидентской идеологией. (Зачем постоянно напрягаться, пытаясь совершенствовать себя? Каждое существо должно оставаться таким, каким его создала природа). Если конфуцианство служило моральным компасом верхов общества, то даосизм отражал мировоззрение низов и потому может считаться народной религией.

Даосизм оказал огромное влияние на развитие восточного искусства. Поскольку совершенство понимается даосами как максимальный результат при минимальных усилиях, сформировался стиль намеков и недомолвок. Именно даосизм привнес такие понятия, как «прелесть недосказанности» и «красота простоты».

В отличие от конфуцианства и даосизма, буддизм родился не в Китае, а пришел из Индии. Там он возник как протест против кастовой системы. Символом буддийского вероучения служит «колесо жизни»: день сегодняшний есть следствие дня вчерашнего и причина дня завтрашнего. Проявляется это в перевоплощении душ. Если человек несчастлив, значит, он расплачивается за грехи предыдущей жизни.

В основе учения Будды лежат четыре истины. Первая: жизнь полна страданий. Вторая: причиной их служат неосуществленные желания. Третья: чтобы избежать страданий, надо избавиться от желаний. Четвертая: чтобы достичь этого, нужно пройти путь из восьми шагов. Нужно сделать праведными свои взгляды, представления, слова, поступки, быт и, наконец, стремления, мысли, волю. Тот, кто пройдет эти восемь шагов, достигнет просветления, или нирваны.

Итак, даосизм проповедует недеяние, а буддизм – нежелание. Это привело к их своеобразному сосуществованию на китайской почве. В древности не было четкой грани между религией, философией и наукой. Применительно к Китаю можно сказать, что «три великих учения» как раз и олицетворяют эти ветви духовной культуры. Буддизм – прежде всего религия. Даосизм – диалектическая философия, а конфуцианство – наука, именуемая этикой.

За одиннадцать лет жизни в Поднебесной я вновь и вновь убеждался, что китайский национальный характер – это река, в которой слились несколько потоков. С конфуцианством связана склонность расставлять все по своим местам, вести себя по предписанным правилам, возвеличивать ученость. Но в глубине души каждый китаец также и даос, считающий, что бессмысленно вмешиваться в ход вещей, а лучше плыть по течению. Китайской натуре присуща и некая богобоязненность, связанная с буддийскими представлениями о том, что благие поступки будут вознаграждены, а за грехи придется расплачиваться.

«Три великих учения» стали мостом между культурами Китая и Японии. Они не только мирно сосуществовали, но и уживались в душе каждого китайца и японца. Пока на Западе христиане и мусульмане, католики и протестанты убивали друг друга, Китай и Япония подавали пример веротерпимости. Как знать, может быть, традиция уважать чужие убеждения когда-нибудь станет почвой для политического плюрализма не только в Японии, но и в Китае.

Секреты монастыря Шаолинь

Сухие взгорья, редкие клочки полей на склонах. Это бассейн Хуанхэ (Желтой реки) – колыбель китайской цивилизации. Здесь, в далекой глуши, на склоне священной горы Цзуншань в 495 году был основан монастырь Шаолинь. Долгое время он находился в забвении.

Каюсь, сам я мог бы побывать там еще тридцатилетним, а попал лишь шестидесятилетним (в пятидесятых годах меня прежде всего интересовали стройки первой китайской пятилетки). И вот в наши дни Шаолинь обрел огромную популярность, стал местом паломничества. Сюда ежегодно приезжают два миллиона китайских и тридцать тысяч иностранных туристов.

На то есть две причины. Во-первых, монастырь Шаолинь считается родиной ушу – боевых искусств (китайский иероглиф «у» означает оружие, «шу» – искусство). Одна из фресок на монастырской стене рассказывает, как тринадцать здешних монахов спасли Ли Шиминя – второго императора династии Тан. Заговорщики захватили его в плен и держали в заключении в Лояне.

Благодаря владению приемами ушу монахи сумели проникнуть в крепость и вызволить пленника. Вернув себе престол, император щедро отблагодарил спасителей. Шаолинь получил почетный титул «Первый монастырь Поднебесной». Ему была дарована земля, а монахам предписано и впредь совершенствоваться в боевых искусствах.

У монастыря Шаолинь есть и другая причина слыть исторической достопримечательностью. Иероглифы у его главных ворот напоминают: «Здесь была основана школа Чань». Молельный зал монастыря украшает статуя Бодхидхармы, который в 527 году пришел сюда из Индии проповедовать буддизм и стал первым патриархом нового религиозного направления.

Школа Чань (по-японски – Дзэн) – своеобразный сплав индийской йоги и даосской психотехники – на многие века определила «философию жизни» народов Дальнего Востока, своеобразие их этических и эстетических воззрений. Последователи чань-буддизма считают, что не обязательно лишь «смирять себя молитвой и постом», заучивать и повторять священные тексты, вести жизнь отшельника и аскета. К просветлению можно прийти и путем активной медитации, если укреплять свое тело с помощью боевых искусств или развивать восприятие прекрасного через живопись, поэзию, каллиграфию. К активной медитации относят и любую радость общения с природой, будь то рыбалка на заре или хоровое пение у костра. Главное, чтобы, совершенствуя тело и душу, человек делал это в радость, с удовольствием.

В процессе активной медитации легче переходить от логического мышления к образному. А это, в свою очередь, позволяет через подсознание управлять своей жизненной силой, которая в китайской философии и медицине носит название «Ци».

В одном из монастырских храмов настоятель показал мне старинную фреску. На ней изображены монахи, выполняющие различные упражнения с целью обрести «шесть гармоний». Первые три ступени этого пути требуют координации рук и ног, локтей и коленей, плеч и бедер.

Но чтобы подняться выше, нужно овладеть искусством еще трех, уже не внешних, а внутренних гармоний: сердца и разума, разума и духа, духа и силы. Обычный человек действует по формуле «разум – сила». Но если волевой импульс сначала воспламеняет дух («ци») и концентрирует его в нужном месте, сила многократно увеличивается.

Именно монахи школы Чань добавили к владению телом умение управлять духом, перераспределять жизненную энергию, что неизмеримо увеличивает физические возможности человека. В этом и состоит суть загадочного искусства «цигун», что я перевел бы как «усердие духа». Ушу – это техническая сторона боевых искусств. А вот ушу плюс цигун – это уже «одухотворенная борьба», которую называют «кунфу».

Владея вершинами мастерства цигун, можно даже уменьшать силу тяжести. Мне продемонстрировали такой феномен сверхлегкости. Два стула поставили спинками друг к другу на расстоянии около метра. Этот проем перекрыли полосой папиросной бумаги. Двое мужчин сели на стулья, прижав края ленты своим весом.

Девушка отнюдь не хрупкого сложения взялась за спинки стульев, сделала стойку на руках, осторожно ступила сперва одной, а затем другой ногой на провисшую папиросную бумагу и распростерла руки. Видел я и мастера цигун, который вставал на четыре куриных яйца, накрытых прозрачным пластиком, а потом давал проверить хрупкость их скорлупы.

По просьбе настоятеля монахи показали мне в молельном зале свое искусство. Наставник положил на голову ученика четыре кирпича. И с размаху ударив пятым, разбил их на куски. Потом он разделся до пояса и попросил меня бить его стальным прутом толщиной с палец. Мои робкие удары вызвали смех. Ученики с азартом взялись за дело сами. Они хлестали учителя и по плечам, и по спине, и по животу, и по самому уязвимому месту – левому боку.

В завершение показа принесли доску, из которой, как щетина из щетки, торчали шестидюймовые гвозди. Монах улегся на их острые концы. Сверху положили свернутое одеяло, а на него – метровую каменную плиту и принялись бить по ней молотами, пока не раскололи. После этого на спине человека остались ряды красных точек, но кожа нигде не была проколота.

– В отличие от наших предков мы разучились обращаться к своему подсознанию. А если не использовать заложенные в человеке способности, они угасают. С помощью цигун можно выявить резервы человеческого организма, не только физические, но и интеллектуальные, – пояснил мне исследователь цигун профессор Янь Хай.

По его словам, у каждого из нас есть прирожденный «Ци» – потенциал жизненной энергии, полученный в утробе матери. Он дополняется обретенным «Ци» за счет дыхания и питания. Чем лучше хранит человек эти запасы, тем медленнее он старится. В этом и состоит цель Цигун. На высших ступенях этого мастерства можно обрести способность не только сохранять, но и наращивать свою жизненную энергию и направлять ее вовне, чтобы исцелять больных.

После посещения монастыря Шаолинь многие таинственные явления, которые удивляли меня в дальних странах, вроде бы выстроились в какую-то систему. Если резервы организма столь огромны и могут быть подвластны человеку, становится понятнее, как цыган ходит по раскаленным углям, индийский йог проглатывает острый клинок кинжала, а филиппинский лекарь голыми руками удаляет жировики и снова смыкает живые ткани. Если человек действительно может управлять своим духом, то есть – вдумаемся в это слово – воодушевлять себя, нам ясно, что имеется в виду, когда спортсмен «в ударе», у циркача появляется «кураж», на поэта или композитора «находит вдохновение». Если усилиями воли можно не только генерировать, но и передавать жизненную энергию другим людям, стимулировать у них процессы саморегуляции, то объяснимы особые способы исцеления.

Сколько раз человечеству казалось, что наука до конца постигла законы природы, раскрыла все тайны окружающего нас мира! И все-таки остается еще немало непознанного. Как тут не вспомнить Шекспира: «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам…»

Вырванные веки Бодхидхармы

Как уже говорилось, буддийский проповедник Бодхидхарма отправился из Индии в Китай и в 527 году добрался до монастыря Шаолинь. Обучая тамошних монахов медитации, он поклялся просидеть лицом к стене девять лет. Но за пару дней до срока не смог превозмочь дремоту и заснул. Разгневанный на самого себя, Бодхидхарма вырвал свои отяжелевшие веки и выбросил их за порог кельи. На этом месте вскоре вырос куст. Оказалось, что его листья несут бодрость, помогают избавляться от сонливости во время медитации.

Так с колоритным персонажем азиатской мифологии притча связывает рождение чая. Первого патриарха школы чань (дзэн) Бодхидхарму китайцы зовут Дамо, а японцы – Дарума. В народном прикладном искусстве его индийское происхождение подчеркивается густыми брежневскими бровями.

Вырванные веки Бодхидхармы – это, разумеется, метафора. Но нет сомнения, что именно буддийские монахи популяризировали чай, сначала в Китае, а потом в Японии. Оба народа обозначают этот напиток одним иероглифом, хотя произносят его по-разному. Китайцы – «ча», а японцы – «тя». Так что русское и монгольское «чай», арабское «шай», голландское, французское и немецкое «тэ», английское «ти» позволяют судить о том, откуда пришел к этим народам чайный лист.

В Россию чай попал по Великому шелковому пути. В 1638 году купцы подарили серебряную шкатулку с чаем основателю династии Романовых царю Михаилу Федоровичу. Лишь полвека спустя голландцы завезли чай в Западную Европу. Ост-Индская компания сумела тайно похитить в Китае чайные листья и доставить их в Индию. А после того как Англия перехватила у Голландии Цейлон, кофейные плантации на острове были заменены чайными.

Поначалу китайцы заваривали чай в нефритовых сосудах, так что пили его лишь люди знатные и богатые. Но после того как был изобретен фарфор, распространению новой посуды способствовала именно возросшая популярность напитка буддийских монахов. Заваривать чай в фарфоровом чайнике китайцы стали со времени династии Мин (1368–1644 гг.), и именно этот способ потом переняли россияне и западноевропейцы.

Наибольшей популярностью на Дальнем Востоке пользуется зеленый чай. В нем много катехинов, которые имеют антиканцерогенные свойства, помогают организму бороться с бактериями и вирусами, способствуют превращению жиров в глюкогены. Именно зеленый чай лучше всего помогает переносить летнюю жару.

Зеленый чай поначалу доминировал и в Европе. Лишь в XVIII веке китайцы, желая приспособить его ко вкусам иностранцев, изменили способ сушки. В сорванных чайных листьях тут же начинается процесс ферментации (окисления). Если прекращать его на более поздней стадии, с тех же кустов можно получить уже не зеленый, а красный чай, который можно пить с сахаром и молоком (как англичане) или с лимоном (как французы и немцы). Красный чай активнее тонизирует, ибо в нем больше кофеина.

В Европе и Америке красный чай практически полностью вытеснил зеленый. Ему остались верны только страны Дальнего Востока. Лишь прозападно настроенная азиатская молодежь считает красный чай такой же данью современной моде, как черный кофе.

Дорогие сорта зеленого чая производят из нежных верхних листочков, сорванных в начале лета. Китайцы, особенно в жаркое время года, непрерывно пьют зеленый чай как дома, так и на работе. Не случайно именно термос стал у них критерием избавления от бедности.

На железнодорожном транспорте чаепитие прямо-таки возведено в культ. Предъявив билет, пассажир получает кружку с указанием места назначения. Каждые два часа проводник приносит большой жестяной чайник и с поистине цирковой ловкостью чуть ли не от дверей

купе льет крутой кипяток в стоящие на столике кружки. Считается, что чем длиннее струя, тем вкуснее будет напиток.

Второе правило заваривания чая гласит, что вода не должна долго кипеть. Чайник надо снимать с огня, как только по его стенкам побегут «жемчужные нити». Третье правило – воду лучше использовать родниковую. А водопроводная должна отстояться в кувшине, чтобы вышел хлор.

Наконец, четвертое правило совпадает с еврейским анекдотом про то, как отец перед смертью передавал сыну секрет заварки чая: «Ложить надо больше!» В прогретый фарфоровый чайник нужно бросить столовую ложку чая и столько же кипяченой воды, залить кипятком и дать настояться 7–10 минут. После этого настой разливают по чашкам, ни в коем случае не разбавляя. Вот тогда получится чай, после которого можно заниматься медитацией, не опасаясь, что веки, как у Бодхидхармы, нальются свинцом.

Азиатские секреты долголетия

Почтенная Хуан Малянь расчесывает косы своей двухлетней праправнучки, которая сидит верхом на гробе из толстых сандаловых досок. Гроб в Южном Китае можно увидеть почти в каждом жилище. Его принято дарить отцу или матери в день шестидесятилетия.

– Этот гроб не мой, а моего младшего сына. Мой стоит в соседнем доме, у старшего сына. Мы уже 44 года храним там семенное зерно, – с улыбкой поясняет Хуан Малянь, глава семьи из пяти поколений.

На южном побережье Китая, в провинции Гуанси, убеждаешься, что долгожители обитают не только в горах. Волость Бама достойна попасть в Книгу рекордов Гиннесса как место, где долгожителей больше всего на свете. Среди 238 тысяч жителей 237 человек старше 90 и 74 – старше 100 лет. Такие, как 104-летняя Хуан Малянь, есть в каждой деревне.

В чем же секрет азиатского долголетия? Связан ли он с местными традициями, с национальным менталитетом? Специалисты восточной медицины считают важной предпосылкой долголетия хорошую наследственность. Если ваши предки жили долго, у вас есть шанс последовать их примеру. Однако хорошие гены – отнюдь не гарантия. Если с любовью ухаживать за «жигулями», то и «копейка» может оказаться долговечнее «мерседеса».

Не меньше чем от генетики азиатское долголетие зависит от образа жизни. Это, во-первых, традиционное питание (его сравнивают со «средиземноморской диетой»). Упор на овощи, фрукты, растительное масло вместо животных жиров. Протеин главным образом за счет рыбы и соевых бобов, непереработанное зерно (рис) вместо дрожжевого хлеба. Приоритет местным и сезонным продуктам.

Во-вторых, долголетию способствует правильный режим сна. В среднем – семь часов в сутки, сокращая это время летом и увеличивая зимой, чтобы вставать и ложиться если не вместе с солнцем, то по возможности ближе к ритму природы. При этом считается, что пересыпать, находясь в постели по 9–10 часов, еще хуже, чем недосыпать, ибо это ведет к депрессии, снижает общий тонус.

В-третьих, долголетию способствует режим подвижности, прежде всего ходьба и домашние дела. Женщины живут дольше мужчин именно потому, что им легче находить для себя посильные нагрузки и тренировать брюшные мышцы. А восточная медицина считает, что человек с ослабевшим животом умирает раньше.

Четвертое слагаемое долголетия – здоровая половая жизнь. Исследования геронтологов подтвердили, что поздние браки лучше слишком ранних. После родов в 16–18 лет женщина преждевременно старится. Тогда как впервые став матерью после 30, она не только в наибольшей степени ощущает эффект омоложения, но и дольше живет.

Даосские монахи считают секс, в том числе и в пожилом возрасте, путем к мужскому долголетию. Однако это не означает, что холостяки-плейбои имеют преимущество перед их женатыми сверстниками. Наоборот, благодаря домашней пище и заботливому уходу семейные мужчины по статистике живут дольше.

По древнекитайской формуле оптимального сочетания партнеров возраст мужчины нужно разделить пополам и прибавить восемь. Сорокалетнему лучше всего соответствует партнерша 28 лет, пятидесятилетнему – 33 лет. Ну а после того, как дети подарили отцу гроб, то есть после шестидесяти, цифру 8 надо не прибавлять, а вычитать. (Меня это уточнение весьма обнадежило.)

Однако, одобряя разницу в возрасте, даосы делают существенную оговорку. Интимная связь пожилого мужчины с молодой женщиной благотворна лишь при искреннем взаимном влечении обоих партнеров. Если же хотя бы один из них это чувство имитирует, то свой запас жизненной силы непоправимо сокращают оба.

Наконец, пятым слагаемым долголетия в Восточной Азии считается оптимистический взгляд на мир, порождаемый любовью и уважением близких. По мнению китайских геронтологов, в старости психическое здоровье гораздо важнее физического. А в семьях, где сверх завещанных Конфуцием «трех поколений под одной крышей» вместе живут четыре, а то и пять поколений, старики имеют не только лучшую комнату и главное место за столом, но и окружены всеобщим почитанием. Именно востребованность их жизненного опыта рождает то светлое мироощущение, которым отличаются китайские долгожители, родившиеся еще в XIX веке.

Наперсток горячего пива

Однажды в начале 50-х годов я отправился в поездку по сельским районам провинции Хэнань. Автомобильных дорог в глубинке еще не было. Меня возил ослик, запряженный в двухколесную арбу. Провел несколько ночей на постоялых дворах. Слава богу, в Северном Китае зимой спят на канах – теплых лежанках, под которыми, как и в русских печах, проходит дымоход.

Наконец приехали в уездный центр. Местное начальство по традиции устроило яньхуй, то есть банкет. Перед гостем положили меню из шестнадцати блюд и двух отрезвляющих супов. Стали разливать в крохотные пиалочки золотистую жидкость. Я подумал, что это шаосинское вино, по крепости аналогичное японскому саке (18–20 градусов). Его пьют именно так: керамические графинчики подогревают в тазу с водой.

Первое лицо произнесло тост: за председателя Мао и председателя Ма (то есть Маленкова). Я выпил и оторопел: в фарфоровом наперстке было пиво, нагретое до температуры чая. Оказывается, кто-то поведал хозяевам, будто иностранцы, коих тут никогда не бывало, любят некое «вино пи». За ним пришлось съездить на железнодорожную станцию.

После первого тоста было предложено выпить за китайско-советскую дружбу, за победу мира и социализма, за светлое будущее человечества. Потом раскрасневшиеся хозяева стали по очереди подходить с предложениями отдельно выпить за комсомол, за профсоюзы, за армию, за госбезопасность и так далее. Когда процедура повторилась по второму кругу, девять изумленных хозяев поинтересовались: сколько же московскому гостю надо выпить «вина пи», чтобы хоть как-то захмелеть?

– А оно у вас еще есть? – спросил я.

Принесли запыленную бутылку пива «Циндао».

Я поднял ее и произнес: «За успех первой китайской пятилетки! Пусть у вас будет столько же неудач, сколько здесь останется капель!» И выпил из горлышка все до дна. Люди за столом смотрели на меня так, словно я только что проглотил ампулу с ядом.

Когда все убедились, что ничего страшного со мной не произошло, первый секретарь укома восхищенно сказал: «Не зря председатель Мао учит нас настойчиво учиться у советского старшего брата!»

С тех пор прошло полвека. И вот недавно я прочел, что по потреблению пива Китай опередил Соединенные Штаты и вышел на первое место в мире. Дай бог, чтобы не только этим обогатился от общения с нами наш великий восточный сосед!

Змея над чашей

Каждому знакома традиционная эмблема фармакологов – змея, склонившая голову над чашей. Люди с глубокой древности знают: чем сильнее яд, тем более он целителен при правильном применении и дозировке. Я имел случай убедиться в этом на собственном опыте, попробовав в Кантоне желчь живой кобры в сезон, когда змея наиболее ядовита.

В духовной культуре народов Дальнего Востока неразрывно связаны между собой кулинария и медицина. Китайские врачи издавна используют алкоголь для накопления и сохранения лечебной силы различных органических веществ, будь то лекарственные растения или такие элементы животного мира, как рог носорога, кости тигра, панты оленя, личинки муравьев и пчел, а также змеиный яд.

Пожалуй, самый экзотический способ использования алкоголя в лечебных целях я испробовал на юге Китая, в Кантоне. Там находится известный во всей Юго-Восточной Азии ресторан «Царь змей». Едва переступив его порог, поражаешься многоведерной фарфоровой чаше с рисовым вином, в котором плавают три змеи. Официанты зачерпывают напиток кувшинами и разносят посетителям. Каждое утро в вино живьем бросают три вида ядовитых змей. Уже к вечеру настой обретает целебные свойства.

Это, так сказать, дежурное блюдо. Но возможны и заказы из меню. Спутники повели меня к батарее бутылок с различными змеями на этикетках. Хозяин ресторана деликатно осведомился о моем здоровье. Спросил, хорошо ли я сплю, не жалуюсь ли на ломоту в суставах, не ухудшается ли зрение. В конце концов он выбрал из множеств настоек ту, которую счел наиболее для меня полезной.

Но отведать экзотический напиток пришлось еще более экзотическим путем. На стол поставили прозрачную миску с живыми креветками. На них вылили содержимое бутылки. Креветки неистово заметались, но вскоре затихли. Их надо было съесть сырыми.

Потом нам подали суп под названием «хризантема с тремя змеями». Это была похлебка с цветочными лепестками, имбирным корнем и чуть жестковатым змеиным мясом, нарезанным соломкой.

В 50-х годах меня тут уже потчевали блюдом «битва тигра с драконом», где змеиное мясо готовится вместе с кошачьим. На сей раз нам его не подали (может быть, учитывая предрассудки иностранных туристов, которых теперь в Кантоне куда больше, чем прежде). Зато предложили кушанье с не менее поэтическим названием «дракон играет с фениксом», где роль мифической птицы была предоставлена курице.

Целебные свойства ядовитых змей известны в Китае около трех тысячелетий. Об этом свидетельствуют древние книги. Поначалу змей ловили ради их желчи, высоко ценимой врачами китайской народной медицины. Позже стали использовать змеиное мясо для приготовления изысканных блюд.

Поставщиком желчи для кантонских аптек был и основатель ресторана «Царь змей» У Мань, открывший это прославленное заведение в 1885 году. Нынче там ежедневно расходуется больше сотни змей. Их закупают в горных районах южных провинций, где издавна существуют артели змееловов. Выше всего ценятся древесная змея, которую в народе называют «трехполоска», а также «лопатоголовая кобра» и «золотое колечко» (разновидность медянки). Мясо их идет на кухню, кожу продают для выделки, а очень ядовитые головы непременно сжигают.

Кульминация обеда наступила, когда к столику подошел повар с клеткой, где ползали три змеи. Мне пояснили, что китайская медицина считает змеиную желчь эликсиром молодости и здоровья.

Ее целебные свойства научились сохранять впрок в алкогольных настойках. Но самое лучшее – отведать желчь, только что извлеченную из живой змеи.

Повар уселся на корточки, вытащил из клетки кобру. Правой ногой прижал к полу ее голову, а левой хвост. Змея натянулась между его расставленными коленями. Сверкнув ножом, он сделал надрез, запустил в змеиное тело палец и извлек наружу нечто похожее на маслину. Это был желчный пузырь кобры.

Операция была ловко повторена с двумя другими змеями. Три виноградинки прокололи иглой и выдавили темную жидкость в рисовое вино. Причем оно из золотистого тут же стало изумрудным.

Опьянение от этого напитка было своеобразным и очень приятным. Я испытал прилив вдохновения, словно Остап Бендер в Васюках. Мне пояснили: змеиная желчь повышает способность к импровизации. Поэтому известные рок-группы с Филиппин специально посещают ресторан «Царь змей» перед записью очередного диска.

На юго-западе Китая, как и во Вьетнаме, продают настойку с ящерицей внутри, которая втрое толще бутылочного горлышка. Чтобы сотворить такое чудо, требуется лишь терпение. Пресмыкающееся попадает в бутылку детенышем. Несколько месяцев ящерицу кормят, а когда она вырастает до нужных размеров, заливают вином.

В большом ходу у китайцев настойки на лекарственных растениях. Очень популярен корень женьшеня. Его нужно протолкнуть через бутылочное горлышко непременно «ногами вниз», как он растет. Любят китайцы и настойку на дерезе – оранжевой ягоде, формой и вкусом похожей на барбарис. Используется также множество других корней, листьев, цветов и плодов. Но когда я вижу медицинский символ – змею, склонившую голову над чашей, я прежде всего вспоминаю вино, в которое капнули желчь живой змеи.

Угостят кошкой с мышкой

Китай многолик. Это как бы целый континент, где региональные различия дают о себе знать буквально во всем, от местных диалектов до местной кухни. Сельский житель, приехавший из другой провинции на заработки в город, порой не понимает устную речь своих соотечественников. Когда пассажиры поезда Пекин – Кантон выходят из вагонов размяться и спрашивают: «Сколько продлится стоянка?» – проводник показывает им цифру на пальцах или пишет на ладони воображаемые иероглифы. Разумеется, с развитием телевидения, распространением школьного образования эталонный пекинский диалект повсеместно войдет в обиход.

А вот унификация местных кухонь маловероятна, да и не желательна. Китайская кулинария подобна развесистому дереву, на ветвях которого вызревают разные по вкусу плоды. В принципе свою специфику имеет каждая из провинций. Но есть четыре главные кулинарные школы, которые пользуются популярностью в общенациональном масштабе. Это пекинская кухня на севере и кантонская на юге, сычуаньская на западе и шанхайская на востоке.

На простонародном уровне пекинская кухня славится множеством разновидностей лапши, пельменей, паровых пампушек с начинкой или без нее. Ведь к северу от бассейна Янцзы основу питания составляет пшеница, а не рис. Вторая особенность – обилие солений и маринадов. Теплицы вошли в обиход лишь недавно. А прежде свежие овощи, кроме капусты, зимой были роскошью. Пекинскую кухню отличает интенсивный вкус. Кроме имбиря и кунжутного масла, повара употребляют много чеснока, лука-порея и стручкового перца.

Но больше всего столичная кулинария славится пекинской уткой. В 50-х годах ею можно было полакомиться только в ресторане «Цюаньцзюйдэ» за южными воротами Цяньмэнь. К этому заветному месту вел переулок шириной в метр. Желая позабавить московских гостей, я объяснял им это заботой о подвыпивших посетителях – чтобы при возвращении домой они могли опираться сразу о две стены.

Гостям приносят полдюжины потрошеных уток. На отобранной надо расписаться специальной тушью. Потом птицу «для цвета» натирают сахарной пудрой, заливают внутрь тушки воду, вешают утку на крюк и помещают в подобие русской печи, где она изнутри варится, а снаружи жарится.

Между тем гости усаживаются за стол. Им предлагают множество холодных закусок и горячих блюд, тоже из утки: утиные лапки в остром горчичном соусе, жареные утиные печенки с молотым перцем, вареные утиные язычки, паровые кнели из утиного фарша и еще бог знает сколько всего утиного.

И вот наконец повар приносит саму золотисто-шоколадную утку и ловко разделывает ее так, что на каждом кусочке нежного мяса остается поджаристая корочка. Нужно положить на ладонь тонкую пресную лепешку, на нее – несколько нарезанных соломкой свежих огурцов и стебельков лука-порея, макнуть два-три кусочка жареной утки в пряный сливовый соус, завернуть все это и съесть.

Кантонская кухня в сравнении с пекинской наглядно воплощает контраст между севером и югом, между приморьем и глубинкой. Она, скорее, утонченна, чем резка, чаще сладка, чем остра. Самые известные блюда кантонской кухни готовятся из живых морепродуктов. Но данный компонент не является ее единственной особенностью.

Кантонское блюдо «битва тигра с драконом», как уже говорилось, готовится из мяса кошки и кобры. Есть и более экзотичные лакомства. Например, мозг живой обезьяны. Об этом запрещенном в КНР блюде знаю лишь понаслышке. Голову несчастного животного фиксируют специальными тисками – так что из закрытого ящика выдается лишь теменная кость. Ее срубают точно рассчитанным ударом. Обнажившийся мозг едят, когда он еще теплый.

А вот новорожденных мышей пробовать доводилось. На стол ставят открытый китайский самовар с кипящим бульоном и зажженную свечу. Приносят клетку с крохотными трехдневными мышатами, которые, кроме материнского молока, еще ничего не ели. Повар зажимает каждого зверька в кулак и бьет деревянным молоточком по носу. Оглушенных, но живых мышат раскладывают рядами на блюде.

Гостю остается взять крохотное существо за хвост, опалить над свечой и на несколько минут окунуть в кипящий бульон. Потом сварившегося непотрошеного мышонка макают в соус и съедают целиком, вместе с мордочкой и лапками. Косточки легко жуются, а мясо горчит, как лесная дичь, что гурманы особенно ценят.

Пожалуй, именно к кантонской кухне в наибольшей степени относится китайская пословица: «Хороший повар способен приготовить лакомое блюдо из чего угодно, кроме луны и ее отражения в воде».

Время обнимать

Иностранцу, попавшему в Китай в феврале, может показаться, что огромную страну охватила паника. Не тысячи и даже не сотни тысяч, а десятки миллионов людей изо дня в день штурмуют билетные кассы железнодорожного, автомобильного, водного, воздушного транспорта. Все виды пассажирского сообщения работают в авральном режиме.

Причина охватывающей Китай лихорадки – Новый год по лунному календарю. Хотя он теперь официально переименован в Праздник весны, для миллиарда трехсот миллионов жителей страны именно эти две недели остаются порой новогодних праздников, которые каждая семья должна непременно встречать вместе, под одной крышей.

Возвращаются в родные села свыше ста миллионов сезонников, ежегодно отправляющихся на заработки в города, едут на побывку домой сотни тысяч военнослужащих, спешат к своим семьям десятки тысяч бродячих торговцев, ремесленников, лодочников, бурлаков.

Но прежде всего традиция требует, чтобы на праздничный сезон непременно воссоединились супруги, которые по каким-то причинам разлучены. Согласно укоренившимся у китайцев представлениям, в природе для всего есть своя пора. В двадцати четырех двухнедельных сезонах традиционного лунного календаря воплощен многовековой опыт поколений – это, по существу, оптимальный график полевых работ, подсобных промыслов, а также народных праздников.

Издавна было принято считать, что есть своя пора и для активной супружеской жизни: две недели Праздника весны, от первого февральского новолуния до первого полнолуния. Стало быть, десятки миллионов людей включаются в тотальный транспортный аврал именно ради того, чтобы, по традиции, своевременно исполнить свой супружеский долг.

«Если каждый китаец топнет ногой, произойдет землетрясение», – говорил когда-то Наполеон. Будь он прав, сейсмологи должны были бы каждый февраль фиксировать содрогание земной коры в Восточной Азии. Ведь если кто и следует библейскому изречению «Время обнимать и время уклоняться от объятий», так это китайцы.

Когда в прежние времена невестка оставалась «яловой» после двух недель Праздника весны, ей надлежало дать объяснение свекрови: почему? Секс, таким образом, имел как бы прикладное значение. Цель мужа состояла в том, чтобы в очередной раз сделать жену беременной.

Не следует, разумеется, понимать сказанное буквально. Современное поколение, особенно в городах, не признает сезонности в супружеских отношениях. Но инерция многовековых обычаев все-таки дает о себе знать. В частности, после Праздника весны китайские супруги могут спокойно расстаться на несколько месяцев, а то и на год.

Примечательный факт: при посольствах КНР обычно нет начальных школ. Молодые дипломаты работают за границей без жен. А в глухих сельских районах односельчане привыкли отмечать день рождения сообща, в Праздник середины осени. Стало быть, все они были зачаты на лунный новый год.

Конечно, во все века двухнедельный период супружеской жизни не касался верхушки общества. Об этом свидетельствует обширная эротическая литература (например, «Цзинпинмэй» – «Цветы сливы в золотой вазе»). По иным правилам издавна жили приморские города, например Шанхай, прозванный «азиатским Парижем».

Итак, Праздник весны прежде всего – пора воссоединения мужей и жен ради выполнения ими супружеского долга, поистине «время обнимать». Но это и сезон воссоединения под одной крышей всей семьи. Не случайно график школьных и студенческих каникул ежегодно смещается в соответствии с лунным календарем. Новогодние угощения – преимущественно пельмени – у китайцев принято готовить только сообща.

Это касается и клейких лепешек, которые полагается класть на алтарь предков в Праздник фонарей, завершающий собой две новогодние недели. Они предназначены для Духа очага. Данный персонаж, которого китайцы зовут Цзаошэн, играет в их новогодней мифологии такую же роль, как на Западе Дед Мороз или Санта-Клаус. После праздников Цзаошэн отправляется на небо, дабы проинформировать души предков о том, как прожили очередной год их потомки, какими новостями обменивались они возле домашнего очага. Так вот, чтобы Цзаошэн не болтал лишнего, вся семья толчет деревянными ступами клейкий рис и лепит из него лепешки, которые бы склеили духу рот.

На Дальнем Востоке я ежегодно убеждался, что праздничные ритуалы воплощают три ипостаси счастья в понимании китайцев и других народов Азии. Это «Фу» – благополучие в семье. «Лу» – удача за порогом дома, то есть успех в карьере. И наконец, «Шоу» – долголетие. Такая трактовка счастья в системе трех координат служит лейтмотивом произведений прикладного искусства, предназначенных для новогодних подарков.

Двенадцать календарных животных

Под Новый год у нас стали все чаще говорить о двенадцати животных, образующих цикл дальневосточного календаря. Средства массовой информации всякий раз заполняются предсказаниями доморощенных астрологов, которые самым буквальным образом отождествляют черты предстоящего года с его календарным животным. Или объясняют прожитую человеком жизнь, проецируют его будущее, характеризуют его личность лишь на основе того, под каким знаком он родился.

Помню, как во время работы в Китае в 50-х годах мне было поручено сопровождать в поездке по стране очень большого начальника из ЦК КПСС. Знакомя гостя с древнекитайской мифологией, я рассказал о двенадцати животных, образующих календарный цикл. Уточнил, что по местным поверьям год рождения человека во многом предопределяет его достоинства и недостатки, дает ключ к пониманию его характера.

Пояснил, что я, к примеру, родился в год Тигра, когда на свет часто появляются творческие натуры. А вот моя жена родилась под знаком Дракона, символа властности. Из этих людей получаются хорошие управленцы.

– Как интересно! – воскликнул начальник. – А загляните, пожалуйста, в календарь: кто я и кто моя жена?

– Вы – собака, а ваша супруга – свинья, – с ходу прочитал я и тут же пожалел о сказанном, ибо эффект был, сами понимаете, какой.

А беда состояла в нашей склонности механически отождествлять человека с его календарным животным. Или считать, что данный год предвещает нечто одинаковое для всех. Тогда как в действительности он сулит разным людям разное, и разобраться в этом могут лишь опытные прорицатели.

Впрочем, есть и нечто общее. Люди, которым в наступившем году исполняется 12, 24, 36, 48 или 60 лет, становятся для окружающих источниками счастья и удачи. Однако сами они весь год более уязвимы, чем обычно. Так что им надо беречь себя, избегать резких поворотов, не подставляться под удар.

Вынужден признаться, что именно я в канун 1963 года впервые ввел в моду двенадцать календарных животных. Мой репортаж из Японии о годе Зайца, напечатанный в «Правде», вызвал большой интерес к дальневосточному гороскопу. К сожалению, в нынешних дилетантских публикациях на эту тему на первый план всплыли совершенно неуместные вопросы: что следует и чего не следует надевать, что нужно и чего нельзя есть при встрече данного Нового года? Все, что у нас об этом пишется – досужие вымыслы.

При этом выпал из поля зрения самый пикантный аспект дальневосточного гороскопа: его внимание к проблеме физиологической совместимости сексуальных партнеров. Новый год по лунному календарю согласно древней китайской традиции открывает собой двухнедельный период активной супружеской жизни.

А поскольку этот праздник знаменует собой брачный сезон, о двенадцати календарных животных люди вспоминают прежде всего при выборе спутника жизни. Считается, что определенные сочетания этих животных сулят лучшую или худшую физиологическую совместимость супругов. Например, у женщины, рожденной в год Змеи, перечень подходящих партнеров наибольший, а у рожденной в год Лошади – наименьший. Так что сосватать первую легче, чем вторую.

Кроме двенадцати животных, в лунном календаре фигурируют пять стихий: синяя вода, красный огонь, белый металл, зеленое дерево, желтая земля. Их парные сочетания образуют шестидесятилетний цикл, который называется «жизнь». Поэтому когда человеку исполняется

61 год, родственники дарят ему игрушки, словно годовалому ребенку. Дескать, начата вторая жизнь.

Попав после Китая в Японию, я думал, что более высокий уровень благосостояния и культуры в Стране восходящего солнца давно не оставил там следа от древних предрассудков. Помню, как в канун 1966 года меня с коллегами из Америки и Европы пригласили в японскую телекомпанию «Эн-Эйч-Кей», чтобы поговорить в прямом эфире о новогодних суевериях в наших странах.

Дело в том, что наступал год Лошади и Огня, самый неблагоприятный в дальневосточном гороскопе. Согласно древнему поверью, женщина, рожденная в этом году, склонна повелевать мужчиной, вследствие чего ее невозможно выдать замуж. А поскольку супруги не знают, родится у них мальчик или девочка, многие предпочитают вообще не иметь детей в этом злополучном году.

Предыдущий год Лошади и Огня совпал с окончанием русско-японской войны (1906), когда сотни тысяч японских солдат и офицеров вернулись к своим семьям после трехлетнего отсутствия. Однако вместо обычного в таких случаях «бэби-бума» произошло, как ни парадоксально, снижение рождаемости. Как японские, так и зарубежные участники телевизионной дискуссии в канун 1966 года иронизировали над этим суеверием и выражали убежденность, что современное поколение выкинуло его из головы. Каково же было мое удивление, когда оказалось, что в знакомый мне год Лошади и Огня (1966) Япония пережила даже более резкий спад рождаемости, чем в 1906 году.

Телепередача, которую смотрели миллионы жителей Страны восходящего солнца, вызвала обратный эффект. Родители хором оправдывались: мы-то, мол, не верим в предрассудки. Но вдруг родится девочка, а тот, за кого ее будут сватать, вспомнит про год Лошади и Огня. Так что уж лучше рожать ребенка год спустя…

Итак, из сказанного можно заключить: во-первых, народы Дальнего Востока помнят о своем традиционном календаре, о его шестидесятилетнем цикле из двенадцати животных и пяти стихий. Но вспоминают о нем чаще всего при выборе спутника жизни, дабы найти наилучшее сочетание возрастов для физиологической совместимости супругов.

Во-вторых, не надо обезьянничать в год Обезьяны, или обвинять в свинстве человека, рожденного в год Свиньи, или считать оскорбительным для женщины быть Змеей, которая, наоборот, считается воплощением гибкости и мудрости. Словом, нельзя напрямую, буквально отождествлять человека с животным, под знаком которого он родился.

Песенные состязания на «улице невест»

Незабываемой стала для меня поездка в провинцию Юньнань, название которой в переводе означает «К югу от облаков». Эта юго-западная окраина страны прилегает к Вьетнаму, Лаосу, Бирме и напоминает этнографический музей. По количеству национальных меньшинств она занимает первое место в КНР.

Китай – одно из самых однородных по своему составу государств. Ханьцы, то есть этнические китайцы, составляют более 90 процентов жителей. Но в самой многонаселенной стране мира даже 10 процентов – это 130 миллионов человек. Так что общая численность национальных меньшинств сопоставима там с населением Японии и лишь немногим уступает населению России. Живут они преимущественно в глубинных, удаленных от морского побережья западных провинциях.

Лесистые горы субтропической Юньнани напоминают заповедник различных общественно-экономических формаций. В долинах, где живут ханьцы, доминирует «социализм с китайской спецификой», проще говоря – социально ориентированная рыночная экономика. У нацменьшинств, обитающих на склонах, сохранились феодальные отношения с пережитками рабства. А в джунглях на вершинах гор обитают племена, у которых до наших дней дожил первобытнообщинный строй.

Местные власти очень терпимо, уважительно относятся к традициям и обычаям национальных меньшинств, даже когда их нравы в чем-то противоречат действующему в КНР семейному кодексу. Это прежде всего касается специфики брачных связей. Мне особенно запомнилось весьма своеобразное сватовство у народности хани.

Когда в селении хани девушке исполняется 16 лет, родители строят ей за околицей отдельную хижину. По вечерам на «улицу невест» приходят парни – как местные, так и из дальних деревень. Перед жилищами приглянувшихся им девушек происходят песенные состязания. Победитель каждого из них получает приглашение провести ночь с хозяйкой. Однако в следующий раз она вправе пригласить любого другого претендента.

Подобные «смотрины» продолжаются от новолуния до полнолуния из месяца в месяц, по крайней мере в течение трех лет. Так, перезнакомившись практически со всеми окрестными женихами, девушка в конце концов останавливает свой выбор на ком-то из них. Она занавешивает вход в свою хижину в знак того, что избранник отныне поселился у нее постоянно.

Но это еще не брак, а нечто вроде обручения. Когда девушка и парень убедились, что подходят друг другу как партнеры, у них должны родиться двое детей. Лишь после этого им устраивают пышную свадьбу.

Из заранее заготовленного материала односельчане строят бамбуковый дом на сваях. Под песню из 108 куплетов туда торжественно вселяются молодожены. При таком тщательном подборе спутника жизни у представителей народности хани практически не бывает супружеских измен, а тем более – разводов.

За горизонтом времени

В 1955 году я оказался первым из россиян, кому довелось попасть в Тибет по только что проложенной туда автомобильной дороге. Больше двух недель потребовалось нашему ГАЗ-69, чтобы добраться до заоблачной Лхасы – города, о котором буддисты всего мира мечтают, как мусульмане – о Мекке, а католики – о Риме.

Чем ближе к столице Тибета, тем чаще видишь на обочине дороги паломников, шагающих к буддийским святыням. Потала – величественный дворец далай-ламы – способен доминировать и над современным городом. Какой же благоговейный трепет вызывает он у паломника, прожившего всю жизнь в палатке из ячьей шерсти! Трудно поверить, что тринадцатиэтажный комплекс из 999 дворцовых помещений был возведен на крутой скале тринадцать веков назад.

В отличие от большинства знаменитых архитектурных ансамблей Востока композиция Поталы развернута как бы в вертикальной плоскости. Дворец открывается взору сразу весь, целиком. Его стены скошены, как грани усеченной пирамиды. Они словно повторяют лейтмотив здешней природы – контуры горных склонов.

Дворец Потала был построен в VII веке в честь бракосочетания тибетского царя Сронцзан Гамбо и китайской принцессы Вэньчэн. Впервые объединив населявшие нагорье племена, царь основал тогда династию Тубо (от названия которой, видимо, и произошло слово Тибет) и попросил у китайского императора Тайцзуна взять в жены одну из его дочерей.

Во времена династии Тан китайская столица Чанань (ныне Сиань) была одним из центров мировой цивилизации, отправной точкой Великого шелкового пути. И неудивительно, что Вэньчэн привезла с собой ученых и умельцев, которые положили в Тибете начало многим наукам и ремеслам. Именно с той поры китайцев и тибетцев связал Великий чайный путь, который служит для жителей нагорья жизненно важной артерией уже тринадцать столетий.

Дворец Потала восхищает благородным сочетанием трех цветов: золотого, белого и красного. Кровли из листового золота. Начисто побеленные стены. Бурые, как запекшаяся кровь, карнизы из выкрашенного охрой камыша.

Перед тем как во дворец вселяется новый далай-лама, его личные покои расписывают фресками из его будущей жизни. Так было и в 1940 году, при инаугурации нынешнего иерарха. Внимательно изучив настенную роспись, убеждаешься, что события 1959 года (антипекинский мятеж, поражение которого заставило далай-ламу бежать в Индию) были заранее предсказаны аллегорическими образами.

В Тибете меня особенно поражала необъяснимая способность «посвященных» заглядывать за горизонт времени. 14 сентября 1955 года я встречался с далай-ламой четырнадцатым в его летней резиденции – дворце Норбулинка. Когда после беседы мы вышли на террасу, я спросил далай-ламу: почему над дворцом Потала летает бумажный змей?

– Вам повезло, – сказал он. – Змей означает, что вы попали в Лхасу в дни «купальной недели», когда тибетцы раз в году моются в горячих источниках, отмечают Праздник урожая. Это лучшая пора, чтобы оказаться в Тибете. И не только в первый, но и во второй раз. В свое время вы это поймете.

Последние слова иерарха я пропустил мимо ушей. Но вспомнил их, вновь посетив Лхасу в 1990 году. На пути из аэропорта мне бросился в глаза бумажный змей над золотыми кровлями Поталы. Я сообразил, что оказался тут не когда-нибудь, а именно 14 сентября, в тот самый день, когда 35 лет назад встречался с далай-ламой.

Другой собеседник, основатель школы астрологии и медицины Кенраб Норбу, предсказал мне в 1955 году, что через две недели у меня в Москве родится не сын, как все ожидали, а дочь. Так оно и произошло 30 сентября. Затем он сказал: спустя два месяца некто разрушит

мои планы, чему я сначала огорчусь, а потом порадуюсь. Зато мне предстоит горевать о том, что произойдет через два года.

Вскоре после возвращения из Тибета возникла необходимость лететь в Бандунг на конференцию неприсоединившихся государств. Ценой неимоверных усилий я добыл место на прямой авиарейс. Однако для выезда в третью страну требовалось разрешение ЦК КПСС. А оно запоздало.

Пришлось отдать билет польскому коллеге. Но когда самолет «Принцесса Кашмира» находился над Индийским океаном, на его борту взорвалась бомба, все погибли. А два года спустя отец вызвал меня из Пекина в Ленинград хоронить мать. Тогда я вновь вспомнил слова основателя школы астрологии и медицины.

Тибетская медицина исходит из того, что легче лечить больного, зная его предрасположенности, сложившиеся под воздействием небесных тел в момент его рождения. Однако астрологические прогнозы не означают фатальной неизбежности. Данные гороскопа больше похожи на дорожные знаки, которые либо предупреждают об опасности, либо побуждают воспользоваться благоприятными возможностями. Если прислушиваться к голосу судьбы, можно избежать несчастья и не упустить свой шанс.

Один из главных символов буддизма – колесо жизни. Его вращение по часовой стрелке олицетворяет причинно-следственную связь прошлого, настоящего и будущего. Сама идея реинкарнации, или перевоплощения душ, исходит из того, что наша нынешняя жизнь является следствием жизни прошлой и причиной жизни будущей.

Тибетская медицина не осталась в стороне от попыток раскрыть сверхъестественные способности человека. Прежде всего это касается ясновидения, в частности, способности видеть биополе больного. Ламы-врачеватели утверждают, что по характеру и оттенку излучения можно судить не только о состоянии здоровья человека, но и о его душевных свойствах, добрых или злых намерениях.

На личном опыте я убедился, что пути выявления сверхъестественных способностей в различных религиях совпадают. Чтобы сдвинуть крышку над таинственной кладовой подсознания, человек должен пройти суровую психофизическую тренировку, своего рода школу самосовершенствования. Формы ее всюду одни и те же: молитва, пост, отшельничество. Этими приемами пользовались и русские старцы в Оптиной пустыни, и махатмы в Гималаях.

Есть своя логика в том, чтобы нравственно укрепить человека, прежде чем раскрыть его потенциальные возможности, дабы он не употребил их во зло. Но «смирять себя молитвой и постом» – средство, а не самоцель. Как мне образно пояснили богословы в Лхасе, если считать буддизм наукой, то тибетская йога – это технология. Инструмент, помогающий проложить дорогу к цели, однако отнюдь не сама цель.

Как тибетская герцогиня приглашала меня в мужья

Во время поездки по Тибету мне было 29 лет. И я не мог не заметить: тибетки, в полную противоположность китаянкам, отнюдь не безразличны к встречающимся им мужчинам. Обратил внимание и на то, что местные девушки носят ожерелья из нанизанных на ремешок серебряных монет. Каждая – подарок от парня в память о любовной связи.

Если монет мало, значит, девушка не пользуется вниманием мужчин и сосватать ее трудно. Близость же с чужестранцем в этом изолированном от мира краю ценится особенно высоко и обозначается в таком монисте коралловым шариком. Во время приема от имени правительства далай-ламы в Лхасе знатные дамы буквально за руку тянули меня к своим дочерям и просили обратить на них внимание.

Повышенная сексуальная озабоченность молодых тибеток имеет свое объяснение. Крыша мира – одно из немногих мест на земле, где сохранилось многомужество. Причины тому, прежде всего, экономические. Для бедных семей это способ сохранить под родительским кровом всех сыновей, заплатив калым только за одну невестку, избежать раздела имущества.

Женят лишь старшего сына, наследующего отцовскую пашню или пастбище. Младшие же сыновья по мере взросления тоже присоединяются к этому браку. Естественной считается и связь свекра с невесткой. Вопрос об отцовстве никогда не встает. Есть лишь общая мать, ибо все дети в семье рождаются из одной утробы. Когда сыновья становятся юношами, им опять-таки берут одну жену на всех.

Традиция многомужества, с одной стороны, и безбрачие монахов – с другой привели в Тибете к избытку женщин при нехватке мужчин. Это породило обостренную конкуренцию между девушками и сформировало в обществе благосклонное отношение к добрачным связям. Когда незамужняя тибетка беременеет, отец ребенка трудится в ее семье две недели до родов и две недели после. Затем родители девушки с благодарностью провожают его и причисляют младенца к собственным детям.

Таково предисловие к эпизоду, о котором я хочу рассказать. Во время одной из поездок по Тибету меня сопровождал молодой дворянин Саду Ринчен, который учился в Индии и блестяще говорил по-английски. Мы осмотрели старинную типографию в карстовой пещере, где буддийские монастыри всей Азии заказывают для себя канон из 214 томов. На стеллажах хранятся тысячи резных деревянных досок, с каждого клише вручную печатается одна из бесчисленных страниц канонического текста.

Познакомившись с предшественниками Ивана Федорова и Иоганна Гутенберга, мы отправились обратно в Лхасу. За крутым поворотом путь нам преградили всадники на вороных конях. Парчовые одежды, какие здешние горцы носили еще во времена Марко Поло, контрастировали со стрелковым оружием новейших образцов. Наш второй джип с четырьмя автоматчиками рванулся вперед. Но тут, будто в голливудском боевике, из-за всех окрестных скал разом появились фигуры вооруженных людей.

Стало ясно: хорохориться нам не следует. Саду Ринчен направился к всадникам на переговоры. Нам вежливо объяснили: правительница здешних мест приглашает иноземного гостя к себе, чтобы с ним познакомиться. Окруженные конной свитой, мы подъехали к средневековой крепости на вершине горы. Под закопченными сводами зала на возвышении стоял золоченый трон, а ступенью ниже – другой, поменьше. Нас усадили на леопардовую шкуру перед троном.

Как мне пояснил Саду Ринчен, здешняя правительница, которую он по-английски называл «герцогиня», формально является регентшей при своем малолетнем брате. Ее владения простираются «на три дневных перехода» и насчитывают 24 тысячи крепостных.

Два воина с факелами встали по бокам трона, словно на картине Верещагина. И вот вслед за тщедушным подростком появилась сама герцогиня. До сих пор вспоминаю ее с восхище-

нием. Это была прямо-таки Шамаханская царица из сказки о Золотом петушке – статная, гибкая, поражающая неожиданным сочетанием утонченной женственности и суровой властности. Гитлер не случайно считал тибетцев первоистоком арийской расы. Во внешности тибеток совершенно нет монголоидных черт. Они больше напоминают воспетых Есениным персидских красавиц.

После официального обмена любезностями (я поблагодарил хозяйку за возможность посмотреть древнюю типографию) мальчика увели. А герцогиня, несомненно уловившая мои восторженные взгляды, пересела ко мне на леопардовую шкуру. Это вызвало ропот стоявших за троном мужчин, судя по всему – фаворитов. Но правительница разом одернула их едва заметным движением мизинца.

Выпили ячменной браги из чеканных кубков. И герцогиня без обиняков предложила мне остаться, «насколько я захочу», в качестве гостя, чтобы украсить ее девичье ожерелье коралловым шариком. Саду Ринчен, хорошо знавший как китайские, так и советские порядки, сказал, что это невозможно, ибо моего возвращения в Пекин ждет сам Мао Цзэдун.

Недвусмысленное предложение герцогини обратили в шутку. Тем более что я дважды осрамился в глазах хозяев, дав им повод посмеяться над чужеземцем. Во-первых, когда на серебряных подносах внесли гигантские куски вареного мяса. Однако ни ножей, ни вилок, ни тарелок не подали. Достав из-за пазухи крошечный малайский кинжал, правительница жестом пригласила начать пиршество. Оказалось, что у иностранного гостя при себе нет ножа. Это вызвало насмешливое удивление.

Вторым ударом по моему мужскому достоинству стала конная прогулка. После трапезы герцогиня предложила проехать верхом к скиту лам-отшельников. Вспомнив, что в 1943 году у меня в полковой школе были занятия по конному делу, я легкомысленно согласился. Мне дали смирную на вид низкорослую лошадку местной породы. Сначала все было хорошо. Но когда я попробовал вслед за герцогиней перескочить через ручей, моя кобыла вдруг наклонила голову и стала как вкопанная. Я соскользнул вниз по ее холке, шлепнулся в воду и окончательно подмочил свою репутацию как в переносном, так и в прямом смысле.

Словом, на мне лежит грех, что оставил очаровательную тибетскую герцогиню без кораллового шарика. Надеялся увидеть ее в Пекине, после того как во Всекитайское собрание народных представителей кооптировали наиболее знатных тибетских аристократов. Но в Лхасе в 1959 году вспыхнул антиправительственный мятеж, и знакомая мне владелица 24 тысяч крепостных вместе с далай-ламой эмигрировала в Индию.

Лама с мобильником

О том, что Тибет – край чудес, знает, пожалуй, каждый. Мне довелось побывать там дважды, в 1955 и 1990 годах, увидеть много такого, во что трудно поверить даже очевидцу. И вот еще одно чудо: современная фотография ламы, который разговаривает по мобильному телефону на фоне храма Джокан в центре Лхасы.

К храму Джокан со всей Азии по сей день устремляются ламаисты-паломники. Причем свой дальний путь они меряют собственным телом. Прошел несколько шагов – распростерся ниц на каменистой тропе, чтобы сделать потом еще несколько шагов до места, куда дотянулись руки.

Помню, как, беседуя со мной в 1955 году, настоятель храма Джокан вдруг прервал разговор словами:

– Простите, мне пришла весть…

И стал отдавать какие-то распоряжения по-тибетски:

– Близ одного из монастырей за перевалом монах сорвался с обрыва. Надо срочно послать туда костоправа!

Так я стал свидетелем сеанса телепатии – предшественницы современной сотовой связи. Мне разъяснили, что секта «Красных шапок» издавна развивает у молодых лам способность к телепатическим контактам. Чтобы улучшить «роуминг» такой связи, некогда использовался жестокий обычай. Под краеугольный камень каждого нового монастырского здания клали ламу-подростка. Юношу вводили в состояние «самадхи», похожее на летаргический сон, и без его ведома навсегда накрывали спящего каменной плитой.

Считалось, что подобно тому, как конь чует могилу хозяина, погребенного несколько лет назад, трупы молодых лам давали излучение, облегчавшее телепатам выход на нужный объект. В 1990 году я беседовал с профессором богословия в Тибетском университете. Отданный ребенком в монастырь Ганден, он был выбран для этой печальной участи. Но бежал, предупрежденный наставником, который сжалился над своим учеником.

По соглашению о мирном освобождении Тибета, подписанному Мао Цзэдуном и далай-ламой в 1951 году, центральное правительство сохраняло в неприкосновенности средневековый уклад в заоблачной Шамбале. Лишь после подавления антипекинского мятежа в 1959 году в Тибете было отменено рабство, труженики стали хозяевами своих полей и пастбищ.

За полвека центральные власти оказали былому заповеднику Средневековья помощь в размере 6 миллиардов долларов. В некогда поголовно неграмотном краю 86 процентов детей ходят в школу. (Теперь можно поступать в монастырь только с шестиклассным образованием.) Средняя продолжительность жизни тибетцев увеличилась с 36 до 67 лет. В результате население края увеличилось с 1 до 2,6 миллиона человек (из которых тибетцы составляют 92 процента). Словом, разговоры о том, будто Тибет «вымирает» или подвергается «китаизации», – домыслы западной пропаганды.

Во время личной встречи с Цзян Цзэминем в 2001 году я спросил у председателя КНР, в какой области жизни китайского общества происходят наиболее разительные перемены. Глава государства ответил, что, на его взгляд, это стремительное развитие сотовой связи. Первые мобильные телефоны появились в Китае в 1987 году. Десять лет спустя их было 10 миллионов, а нынче уже 400 миллионов. По количеству абонентов сотовой связи Китай вышел на первое место в мире, опередив США.

Так что лама с мобильником в центре Лхасы хотя и нечто невероятное, но вполне очевидное.

В Тибет по рельсам

Как я уже упоминал, летом 1955 года я совершил путешествие в Тибет по впервые проложенной туда автомобильной дороге. Это было приглашение премьера Госсовета КНР Чжоу Эньлая.

От Чэнду (административного центра провинции Сычуань) до Лхасы (столицы Тибета) две с половиной тысячи километров. Почти как от Москвы до Сочи. Но чтобы преодолеть расстояние, нашему ГАЗ-69 потребовалось больше двух недель. Дело в том, что на подступах к Тибетскому нагорью линии снежных хребтов и зажатых между ними рек тянутся с севера на юг. Трассу же пришлось прокладывать с востока на запад, пересекая четырнадцать горных перевалов и верховья великих азиатских рек – Янцзы, Меконга, Салуэна.

Легко ли представить себе грузовик, движущийся намного выше облаков? Когда сквозь голубоватую толщу воздуха видишь крутые зигзаги всего проделанного за день пути, когда даже моторам не хватает воздуха и вода в радиаторе закипает при восьмидесяти градусах, думаешь о подвиге тех, кто проложил шоссе, впервые связавшее Тибет с внешним миром. Ведь прежде добраться туда из центральных провинций Китая можно было, лишь проведя четыре месяца в седле на горных тропах.

Впрочем, полмесяца тряски в ГАЗ-69 и ночевок в спальных мешках имели свои плюсы. Организм смог постепенно приспособиться к разреженному воздуху. (Лхаса расположена на той же высоте, что макушка священной японской горы Фудзи: 3773 метра над уровнем моря.)

Тридцать пять лет спустя я за два часа долетел от Чэнду до Лхасы на самолете. В 1990 году мне было уже не 29, а 64. Да и времени на адаптацию не было. По глупости не пользовался перед сном кислородным баллоном, который стоял в гостиничном номере, пренебрег советом первые дни поменьше двигаться.

В итоге оказался в больнице с горной болезнью – острым отеком легких, который развивается лавинообразно и часто приводит к летальному исходу. Хорошо еще, что вовремя обратился к местным врачам. Они за неделю поставили меня на ноги, хотя потом в Москве врачи еще долго возились с остаточными явлениями. Словом, повторять подвиги собственной журналистской молодости оказалось рискованно.

Лично убедившись, что до Лхасы благоразумнее добираться не за два часа, а за две недели, я мечтаю о времени, когда осуществится дерзкая идея: проложить в Тибет железную дорогу. Но не с востока – из Сычуани, а с севера – из провинции Цинхай, где рельеф более благоприятен для строителей.

Тибет занимает восьмую часть территории Китая. Но, будучи одной из крупнейших административных единиц страны, он пока не имеет ни одного километра железных дорог. В 1974 году началось строительство Цинхай-Тибетской стальной магистрали. Десять лет спустя вступил в строй ее первый участок.

Он проходит по территории Цинхая от столицы провинции – Синина до Голмуда у административной границы с Тибетом.

Начало XXI века ознаменовалось решением Госсовета КНР приступить к прокладке второго участка: Голмуд – Лхаса. На эти грандиозные работы потребуются шесть лет и три миллиарда долларов. Дело в том, что из 1118 километров трассы 969 километров проходят на высоте более 4000 метров (один перевал расположен на высоте 5072 метра над уровнем моря).

Создатели высокогорной трассы намерены использовать российский опыт строительных работ в условиях вечной мерзлоты. Стальная магистраль Синин – Лхаса станет выдающимся инженерным сооружением XXI века, не имеющим аналогов в мире.

Железнодорожное сообщение позволит надежно снабжать горный край энергоресурсами и грузами, необходимыми для модернизации Тибета. Ожидается, что чуть ли не стократно возрастет поток туристов, желающих воочию увидеть загадочную Шамбалу.

В каждом купе установят кислородные баллоны, дабы пассажиры пользовались ими по нескольку часов в сутки за время своего трехдневного пути (из-за подъемов и спусков поезда будут двигаться не очень быстро даже при двойной локомотивной тяге). Хотелось бы дожить до времени, когда после моего автомобильного и воздушного путешествия можно будет съездить в Тибет по рельсам.

Соотечественник Блаватской

Вернусь к моей первой поездке в Тибет в 1955 году, когда меня удостоил аудиенции сам далай-лама четырнадцатый. Я проделал тщательно отрепетированный ритуал представления Его святейшеству, в завершение которого высший иерарх ламаизма возложил на мою склоненную перед ним шею белый шарф. После официальной беседы через переводчика мы вышли на балкон, чтобы полюбоваться панорамой Лхасы. Оказавшись наедине, обменялись несколькими фразами по-английски.

– Рад, что наконец встретился с соотечественником госпожи Блаватской. Ее труды наши богословы высоко ценят, – сказал мне далай-лама.

Это имя я слышал, но что с ним связано – не смог тогда вспомнить. Примечательно, что после моей второй поездки в Тибет 35 лет спустя именно мне выпала судьба первым рассказать на Центральном российском телевидении о Блаватской. Она вошла в историю как основательница теософии – науки о божественной мудрости, об общих корнях различных вероучений. По мнению Блаватской, религия воплощает не только философию жизни и нравственные нормы, но и древнюю науку. Так что, раскрыв сокровенный смысл религиозных догм, можно обрести ключ к познанию мира.

В 1875 году Елена Блаватская учредила теософское общество, дабы содействовать сравнительному изучению религии, философии и науки, исследовать непознанные законы природы и скрытые силы человека. Даже у самых фанатичных материалистов не должен вызвать возражение ее девиз: «Нет религии выше истины». Тезис Блаватской о том, что в религиях сконцентрирован бесценный опыт многих поколений, стал краеугольным камнем деятельности теософского общества. Первые семь лет его штаб-квартира находилась в Нью-Йорке, а в 1882 году переместилась в Индию, где находится по сей день.

Блаватская постоянно находилась под перекрестным огнем критики – как со стороны атеистов, так и церковников. В послеоктябрьской России ее объявили шарлатанкой. Большая советская энциклопедия утверждает: «Теософия – реакционное религиозно-мистическое учение, признающее источником богопознания мистическую интуицию, откровение. Теософия связана с оккультизмом, спиритизмом и прочими суевериями. Распространение теософской мистики в некоторых кругах аристократии и интеллигенции является ярким показателем идейного упадка и вырождения буржуазной культуры».

В 1991 году, когда мировое сообщество отметило столетие со дня смерти Блаватской, а я рассказал о ней телезрителям, российское отделение теософского общества, закрытое в 1921 году, возобновило свою деятельность. На родине основательницы теософии, в Екатеринославле (ныне Днепропетровске), открыта мемориальная доска.

Нынче ее труды можно приобрести в любом книжном магазине. Я отнюдь не призываю всех штудировать «Тайную доктрину». Эту книгу может освоить лишь подготовленный читатель. Но призыв основательницы теософии к сравнительному изучению религий в наши дни вновь обрел актуальность. Чтобы примирить различные религии, их надо сопоставлять, а не противопоставлять.

На мой взгляд, вместо преподавания в школах «основ православной культуры» лучше знакомить детей с религиозными истоками культуры вообще. Независимо от вероисповедания родителей, школьникам полезно ознакомиться с главными положениями не только христианства, но и ислама, иудаизма, буддизма – всех соседствующих в России конфессий. Сравнительный анализ издавна существующих в нашей стране вероучений углубит взаимное уважение между теми, кто их исповедует, поможет молодому поколению яснее представлять себе, как различные религиозные истоки слились в единую реку российской культуры.

Если за дело возьмутся профессиональные богословы, они наверняка выявят у соперничающих религий много общего. Это прежде всего их гуманистическая направленность, высокие нравственные ориентиры, призыв проявлять любовь и сострадание к ближнему. Все это проходит красной нитью через священные книги христиан, иудеев, мусульман, буддистов.

«Чего не желаешь себе – не делай людям». Эти слова, сказанные Конфуцием двадцать пять веков назад, спустя пять столетий стали одним из основополагающих заветов Христа (он лишь поменял местами начало и конец приведенной фразы). А уж об общих принципах христианства и иудаизма, которых объединяют Ветхий завет и заповеди пророка Моисея, россияне знают гораздо больше.

«Кока-кола» в Китае

Полвека назад я приехал из Пекина в Шанхай и впервые в жизни увидел «город небоскребов». Помню, как восхитила меня набережная Вайтань, вдоль которой выстроились высотные здания банков и отелей. Я поселился в одном из них на 21-м этаже, где когда-то любил останавливаться Шаляпин, и подобно ему любовался парусами рыбачьих джонок на реке Хуанпу.

В офисе по соседству меня принял самый богатый предприниматель страны. Это был «король шелка» Жун Ижэнь. Во время беседы официант подал, как мне показалось, кофе со льдом. Но это был неведомый мне «кэкоу кэлэ». В переводе эти иероглифы значат: «ласкает рот, ласкает душу». Убежден, что такая удачно подобранная транскрипция слова «кока-кола» во многом способствовала популярности данного напитка в Китае.

Как мне тогда рассказал Жун Ижэнь, шанхайцы раньше всех в Поднебесной познакомились с этим символом американского образа жизни. Еще в 1927 году в Шанхае был построен первый в Китае завод по производству кока-колы. Его неоднократно расширяли, и два десятилетия спустя он стал крупнейшим подобным предприятием за пределами США. Но кока-кола была популярна главным образом в приморских городах, где существовали иностранные концессии – в Шанхае, Кантоне, Тяньцзине. Тогда как глубинка по-прежнему утоляла жажду зеленым чаем.

Помнится, тогда же самый богатый шанхаец, впервые угостивший меня кока-колой, процитировал мне первую главу популярного американского учебника по маркетингу. В ней шла речь о том, что «Кока-Кола» стала одной из крупнейших транснациональных корпораций благодаря самым высоким в мире расходам на рекламу. Но если бы удалось убедить каждого из 600 миллионов китайцев хотя бы раз в неделю выпивать бутылку кока-колы, рекламировать этот напиток не было бы нужды.

За минувшие полвека население Поднебесной удвоилось. И пить кока-колу люди стали чаще, чем раз в неделю, особенно в городах. Неудивительно, что за годы реформ корпорация «Кока-Кола» потратила более 100 миллионов долларов на строительство в Китае двадцати трех современных предприятий, чтобы производить на месте прохладительный напиток, предназначенный «ласкать рот и ласкать душу».

Половина этой суммы вложена в Пудуне – «городе XXI века», что вырос напротив шанхайской набережной Вайтань на противоположном берегу реки Хуанпу. Построенный там завод «Цзиньцяо» имеет две самые высокопроизводительные линии по производству кока-колы. Но китайский филиал этой транснациональной корпорации награжден грамотой как «образцовое иностранное предприятие» не только за то, что по объему продаж он вышел на второе место в Азии.

Производители кока-колы правильно рассудили, что бедняк не станет покупателем их напитка, а выбраться из нищеты труднее всего человеку неграмотному. Поэтому они откликнулись на призыв участвовать в благотворительном проекте «Надежда» – финансировать начальное образование нуждающейся сельской детворы.

Китайский филиал концерна «Кока-кола» пожертвовал для проекта «Надежда» полтора миллиона долларов. Он оплатил строительство пятидесяти сельских школ, помог получить начальное образование двадцати пяти тысячам крестьянских детей. Корме того он выделил более миллиона долларов в фонд стипендий для одаренных школьников, а также спонсирует проведение всекитайских молодежных соревнований по футболу и баскетболу на кубок «кока-колы». Признаюсь, что подобные масштабы благотворительности несколько остудили мой критический пыл в адрес этого проповедника американского образа жизни.

Армани из Хэнани

Переход к рынку в Китае не увеличил, а сократил поляризацию общества. Не стало 250 миллионов бедняков. Но появилось примерно столько же сравнительно состоятельных людей. Эти «новые китайцы» кое в чем напоминают «новых русских». В частности, тягой к престижным предметам роскоши. Порой именно этикетка значит для владельца больше, нежели сама вещь. Темные очки и косметика от Кристиан Диор, мужские костюмы от Джорджио Армани и женские туалеты от Пьера Кардена, ручные часы «Ролекс» и «Омега» – все это стало в универмагах Пекина и Шанхая ассортиментом повышенного спроса.

Поднебесная стала крупным рынком предметов роскоши. Трудно поверить, что страна, где еще четверть века назад каждый четвертый житель не ел досыта и ходил в рваных штанах, вышла на первое место в мире по потреблению дорогих французских коньяков.

Давно ли на правительственных банкетах подавали «Маотай» – 60-градусную сивуху из Гуйчжоу, к которой некогда питали пристрастие Мао Цзэдун и Дэн Сяопин. Нынче же китайские предприниматели пьют за деловым обедом «Курвуазье» или «Мартель», причем от начала до конца трапезы из шестнадцати блюд, а не в качестве пары финальных глотков.

Когда я вторично приехал на работу в Китай в 1992 году, темой разговоров был Пьер Карден, первым пробудивший у китайцев интерес к западной моде. Тогда же открыл свой бутик в Пекин-отеле Луи Вуттон. Теперь у него в Поднебесной уже девять фирменных магазинов. В сердце Шанхая, на набережной Вайтань, основал свой китайский филиал Джорджио Армани. А к 2008 году он планирует иметь в Китае тридцать торговых точек.

Однако спрос на предметы роскоши вызвал побочный эффект: параллельный рост производства нелицензированных подделок. Это ударило и по создателям престижных торговых марок, и по «новым китайцам». Присущий обитателям Поднебесной талант к имитации позволяет им как бы «клонировать» раскрученные мировые брэнды.

Костюм от Армани можно купить в шанхайском универмаге «Плаза» за 2000 долларов, а на соседнем рынке Сянъян за 200 долларов. Там же продаются за четверть цены дамские сумки от Гуччи и Прадо с фальшивыми сертификатами подлинности. 200 тысяч часов «Ролекс», задержанных итальянской таможней, были сделаны настолько искусно, что даже представители этой швейцарской фирмы порой принимали их за настоящие.

Впрочем, западные предприниматели сами приучили китайцев имитировать их товары. Помню народную коммуну близ Пекина, где я еще в начале 80-х годов увидел крестьянок, вязавших на спицах свитера из мохера. К ним пришивали этикетки: «Пьер Карден. Ручная работа. Париж». Французский кутюрье поставлял нитки, лекала с указанием количества петель в каждом ряду. И забирал всю готовую продукцию – экспортируя таким образом овеществленный труд.

В аграрной провинции Хэнань я видел земледельцев, которые после уборки пшеницы и хлопка до весны становились надомниками Армани. Они вручную пришивали подкладку и пуговицы к его модным пиджакам, скроенным и сшитым в соседнем городке.

Так называемая сельская индустрия Китая, которая производит треть товаров для экспорта, знает тысячи примеров подобной интеграции. А поскольку старательные рабочие руки стоят там всемеро дешевле, чем на Западе, такие изделия очень конкурентоспособны. Приобщив китайцев к выпуску модных, престижных товаров, иностранцы создали предпосылки для «пиратства», поскольку понятие интеллектуальной собственности местным предпринимателям пока неведомо.

Так «новые китайцы», нередко причастные к фальсификации, сами становятся ее жертвами. Словом, если для героев Ильфа и Петрова вся контрабанда делалась на Малой Арнаут-

ской, то нувориш в Поднебесной опасается: как бы купленный им костюм от Армани не оказался из Хэнани.

Макао – азиатский Лас-Вегас

Макао – эта бывшая португальская колония в Азии – так же связана с казино и рулеткой, как Монте-Карло в Европе или Лас-Вегас в Америке. С тех пор, как в 1847 году там открылись игорные дома, в них неизменно влечет людей – кого любопытство, кого надежда разбогатеть, кого похожий на наркотическую зависимость азарт.

Бродя по Макао, вспоминаешь исторические памятники Латинской Америки, оставленные конкистадорами. Те же старинные католические соборы, мавританские арки торговых рядов, кованые решетки на балконах особняков. На всем лежит печать старины, даже некоторого запустения. Таким был Макао в викторианскую эпоху, когда тут побывал Киплинг. Таким же его увидели в 20-х годах Шаляпин и Вертинский.

Когда с победой революции на китайской земле закончился век колониализма, два его осколка уцелели еще на полстолетия. Это британский Гонконг и португальское Макао. Поборники воссоединения родины привыкли говорить о «двух отрезанных ломтях и одной краюшке». Главный ломоть – Тайвань с населением 23 миллиона человек – поныне остается «мятежной провинцией». Что же касается Гонконга (7 миллионов) и «краюшки» Макао (где жителей в пятнадцать раз меньше), то они были возвращены Китаю соответственно в 1997 и 1999 годах на основе формулы «одна страна – два строя», то есть при условии сохранения там прежних порядков.

Макао изначально привлекало туристов экзотикой. Но после 1949 года любителям попытать счастья у рулетки, поиграть в баккара или покер стало приятно щекотать нервы соседство коммунистического Китая. Ведь буквально рядом совсем другой мир, где у всех на устах то новостройки пятилетки, то самосуды хунвэйбинов, то нравы «новых китайцев». И чем стремительнее менялась Поднебесная, тем колоритнее становилась неизменность Макао.

Бывшая колония, как и Гонконг, имеет статус специального административного района. Игорный бизнес по-прежнему дает 75 процентов доходов местного бюджета, поддерживает единственную кроме него отрасль здешнего предпринимательства – туризм. 82-летний Стенли Хо владеет двенадцатью действующими казино и туристской фирмой. Его самое крупное игорное заведение – «Лиссабон» было открыто в 1970 году. Оно уже не блещет новизной: потерлись ковры, потускнели люстры.

С началом нового тысячелетия власти Макао с благословения Пекина отменили монополию местных предпринимателей на игорный бизнес и выдали лицензии двум магнатам из Лас-Вегаса. Американцы Шэлдон Эделсон и Стив Уинн разбогатели на родине благодаря идее слить воедино туристский отель, развлекательный центр и казино.

Эделсон потратил 240 миллионов долларов, дабы построить в Макао такой комплекс с отелем на три тысячи мест. На его открытие собрались пятнадцать тысяч здешних жителей, тщетно надеявшихся, что первые посетители по обычаю получат бесплатные фишки. Хозяин из Лас-Вегаса воздал должное местным традициям иначе. Он поставил несколько столов для игры в маджан (учитывая пристрастия азиатов) и отрегулировал игорные автоматы так, что они выплачивают «джекпот» при трех восьмерках (счастливое число на Востоке), а не при трех семерках, как в Америке.

По замыслу Эделсона, по набережной со временем протянется вереница из двадцати подобных комплексов, общей стоимостью в 12 миллиардов долларов. Тогда, по его словам, «Макао действительно станет азиатским Лас-Вегасом». Второй магнат – Уинн планирует начать строительство крупнейшего в Тихоокеанском бассейне отеля-казино стоимостью в 550 миллионов долларов.

Приток американских инвестиций вызвал бум, невиданный даже по китайским меркам. Валовой продукт Макао подскочил за год почти на 17 процентов. Доходы двенадцати казино в

Макао достигли 3,8 миллиарда долларов. Тогда как прибыли двадцати двух казино Лас-Вегаса составили 4,8 миллиарда долларов.

Словом, дело не в американцах, а в том, что они появились вовремя. Среди клиентов игорных заведений стало вдвое больше соотечественников из материкового Китая. Вместо воспетого Буниным «господина из Сан-Франциско» самыми состоятельными туристами становятся «новые китайцы», для которых в Поднебесной, впервые за пределами США, будут собирать «кадиллаки».

Социализм с подтянутым лицом

«Хочешь быть красивой – терпи!» – эта французская поговорка, рожденная в эпоху корсетов, имеет китайский аналог. Только если парижанки немыслимо стягивали себе талии, то в Поднебесной девочкам из богатых семей туго бинтовали ноги. Взрослая женщина со ступнями подростка и с неправдоподобно длинными ногтями в серебряных чехольчиках на пальцах рук демонстрировала, что физический труд – не ее удел. В Китае 50-х годов я еще застал степенных старушек, которые ковыляли на своих «копытцах», как в просторечии именовали их изуродованные ради мнимой красоты ступни.

И вот через четверть века после того, как Дэн Сяопин заменил уравниловку бедности девизом «стать богатым почетно», забытый обычай бинтовать ноги уступил место новым веяниям. Дебаты о «социализме с человеческим лицом», или о «социализме с китайской спецификой», породили иронический термин «социализм с подтянутым лицом». Жительницы Поднебесной всерьез озаботились улучшением своей внешности, что вызвало в стране небывалый бум пластической хирургии.

Этим видом деятельности ныне занимаются более десяти тысяч медицинских учреждений, хотя большинство из них можно назвать таковыми лишь с натяжкой. Только за последнее десятилетие около двухсот тысяч человек обращались к властям или в суды с жалобами на неудачные операции, которые были им сделаны людьми без лицензий или в антисанитарных условиях.

Но, при всех издержках, совершенствование внешности с помощью скальпеля стремительно развивается. Самыми крупными медицинскими учреждениями этого профиля являются Госпиталь пластической хирургии в Пекине и Девятая больница в Шанхае. Их создали еще в 50–60-х годах, дабы устранять шрамы на лицах раненых в Корее китайских добровольцев, а позднее – жертв американского напалма во Вьетнаме. Пластическая хирургия была предназначена для помощи тем, кто пострадал в результате военных действий, природных катастроф или имел физические дефекты от рождения.

Однако вошедшее в быт телевидение и вездесущая реклама произвели переворот в представлениях жителей Поднебесной о женской красоте. В семьях «новых китайцев» голливудские стандарты стали образцами для подражания. У китаянок появилось желание улучшить то, чем наделила их природа, и при этом выглядеть моложе. Пластическая хирургия, доступная лишь состоятельным людям, не только вошла в моду, но и стала престижной.

И вот результат: в Пекинском госпитале пластической хирургии ежегодно делают по двадцать тысяч операций, в Девятой больнице Шанхая – по двадцать пять тысяч. Как и в других странах, самой распространенной услугой является подтяжка лица (хотя, на мой взгляд, она требуется китаянкам куда меньше, чем их ровесницам в Европе и Америке). Другая распространенная операция – подтяжка век, когда хирург убирает на них складки. Глаза из-за этого кажутся шире, их дальневосточный разрез становится менее заметным.

Но, по словам Цао Илиня – ведущего хирурга Девятой больницы Шанхая, поистине статус-символом для богатых китаянок стала силиконовая грудь. Она не только приближает обладательницу имплантатов к зарубежным эталонам красоты, но и демонстрирует ее способность заплатить за это 2500 долларов – годовую зарплату госслужащего.

Улучшать свою внешность с помощью пластической хирургии раньше всех в Поднебесной начали артистки театра и кино, модельерши. Они и теперь составляют третью часть пациенток. Другая треть – это «ночные бабочки», труженицы развивающейся секс-индустрии. Оставшаяся часть – это образованные женщины средних лет, считающие привлекательную внешность важным условием успеха в служебной карьере.

Шанхай удивил рекламный мир оригинальным замыслом. Вместо традиционного конкурса красавиц он провел «Конкурс непривлекательных». Самая некрасивая девушка получила в виде приза 12 тысяч долларов на пластические операции, результаты которых были потом широко разрекламированы. Ход необычный, но логичный, поскольку индустрия красоты стала одним из видов бизнеса.

Поднебесная в табачном дыму

Я еще работал в Пекине, когда в середине 90-х годов Китай начал осуществлять общенациональную программу борьбы против курения. Оно запрещено в общественном транспорте, в кино и театрах, в учреждениях и больницах. Сигареты не продают несовершеннолетним, не рекламируют их по телевидению. А Всекитайское собрание народных представителей стало первой в стране зоной для некурящих, так что парламентарию теперь нельзя перекурить даже в туалете.

Несмотря на шумную кампанию, развернутую с самых верхов, Поднебесная по-прежнему окутана табачным дымом. Китай остается обладателем всех мировых рекордов, касающихся данной проблемы. Число курильщиков продолжает расти, составляя 360 миллионов человек, или 36 процентов взрослого населения. Курят 70 процентов мужчин и 5 процентов женщин. Остается радоваться, что эмансипация еще не достигла уровня развитых стран Запада…

Китайцев с полным основанием можно назвать заядлыми курильщиками. Ибо, составляя 20 процентов человечества, они потребляют 35 процентов общемирового объема табачных изделий. Если в 50-х годах на каждого взрослого там приходилась одна выкуренная сигарета в день, то теперь – дюжина. И чем зажиточнее становится этот самый многочисленный народ, тем больше людей он теряет от злоупотребления никотином.

Статистика свидетельствует, что китайцы курят все больше, начинают курить все раньше, умирают от последствий курения все чаще. Когда в результате землетрясения где-то гибнет две тысячи человек, это считается бедствием глобального масштаба, общемировой сенсацией. Но ведь именно такая гуманитарная катастрофа повторяется в Китае изо дня в день.

Именно Поднебесная лидирует в мире по числу летальных исходов от рака легких. Жертвами курения в Китае ежедневно становятся более двух тысяч человек, или восемьсот тысяч в год. Если нынешний рост потребления никотина сохранится, к середине века годовое число смертей от курения достигнет трех миллионов. Нынче сигарета обрывает жизнь каждого восьмого умершего китайца, а в 2050 году им может стать каждый третий.

Как Мао Цзэдун, так и Дэн Сяопин были заядлыми курильщиками, что умножило число любителей табачного дыма. Сознавая свою ответственность, они завещали потомкам объявить войну курению. Официальные круги Пекина обращают внимание общественности на тревожную тенденцию. В то время как в результате пропаганды здорового образа жизни количество курильщиков в Северной Америке и Западной Европе идет на убыль, в динамично развивающихся странах Азии и на постсоветском пространстве их число растет.

Это результат агрессивных усилий транснациональных табачных концернов. Причем в странах с переходной экономикой, в частности в Китае и России, где массированная реклама импортных сигарет явление еще новое, непривычное, на нее легко поддаются подростки, организм которых особенно уязвим для воздействия никотина.

Впрочем, запретить курение в общественных местах, продажу сигарет несовершеннолетним, ограничить их рекламу по телевидению и в печати – самая легкая часть дела. Куда сложнее социально-экономические аспекты проблемы. Выращиванием табака – одной из самых доходных технических культур – в Китае занимаются несколько миллионов крестьян. На табачных фабриках трудятся несколько сот тысяч рабочих и служащих. Ни тех, ни других нельзя в одночасье лишить дохода, рабочих мест.

С другой стороны, табачная промышленность служит одним из важных источников пополнения казны. Она ежегодно отчисляет в бюджет примерно 12 миллиардов долларов – сумму, сопоставимую с ассигнованиями на здравоохранение или образование. Так что помимо политической воли, общенациональная программа борьбы с курением требует решить ряд социально-экономических проблем.

Олимпийский огонь и промышленный смог

В 2008 году Китай впервые в истории стал хозяином Олимпийских игр. Пекин готовился к этому событию. Сюжетным стержнем происходящего, согласно канонам древнекитайской философии, служит противоборство света и тьмы. Причем если стихию «Ян» в данном случае олицетворяет олимпийский огонь, то стихию «Инь» – промышленный смог.

При выборе столицы Олимпиады чистота пекинского воздуха больше всего беспокоила устроителей. Ясному небу над Пекином угрожают пыльные ветры из пустыни Гоби, дымы из труб расположенного по соседству Шицзиншаньского металлургического комбината, привычка обитателей пекинских переулков отапливаться каменным углем.

Самая крупная статья в смете расходов на подготовку к Пекинской олимпиаде (12 миллиардов долларов из 34 миллиардов) ассигнована на улучшение экологической обстановки в столице Поднебесной. К 2008 году доля каменного угля в энергобалансе Пекина должна была снизиться вдвое и не превышать 20 процентов. Шицзиншаньский металлургический комбинат к 2007 году вдвое сократил выплавку стали, а к 2012 году его вообще переместят из столицы.

Вводятся европейские стандарты содержания углекислоты в автомобильных выхлопах. Вокруг Пекина озеленили 100 тысяч гектаров горных склонов, а вдоль дорог посадили 23 тысячи гектаров лесных полос. Воздух в столице должен стать чище, чтобы отвечать требованиям Всемирной организации здравоохранения.

Две трети экологических программ уже запущены в действие. Перебоев с финансированием нет. Но зимой столицу, как и прежде, порой заволакивает смог. Намеченная цель – ежегодно обеспечить в Пекине не менее 227 дней ясного неба – оказалась трудно достижимой. Китайцы очень стараются, чтобы Пекин дышал чистым воздухом. Но возникает вопрос: а возможно ли это в отдельно взятом городе?

Став локомотивом мирового экономического роста, Восточная Азия платит за это такую же дорогую цену, как Англия времен промышленной революции XVIII века, или послевоенная Япония. Лондонский туман времен Диккенса называли «гороховый суп», а на перекрестках Токио в 60-х годах мне запомнились регулировщики в противогазах.

По данным Всемирной организации здравоохранения, из двадцати самых загазованных городов мира шестнадцать находятся в Китае. Хотя причина этого общеизвестна, устранить ее не так просто. Суть дела в структуре энергетического баланса Китая. 75–80 процентов его составляет каменный уголь. Это более чем вдвое превышает среднемировой показатель, тогда как доля более «чистых» источников энергии – газа, нефти, особенно ГЭС, – гораздо ниже, чем в других странах.

Ежегодная добыча угля в Китае достигла двух миллиардов тонн. За четверть века реформ бурный экономический рост привел к бесконтрольному строительству шахт по всей стране, без соблюдения экологических норм и правил техники безопасности. Не удивительно, что Поднебесная лидирует в мире по числу подземных катастроф: ежегодно погибает несколько тысяч шахтеров.

Поскольку ВВП страны ежегодно увеличивается на 9 процентов, спрос на уголь растет опережающими темпами. И хотя принимаются меры, чтобы использовать больше нефти и газа, потребление угля к 2030 году может удвоиться. Когда зимой возникают перебои с энергоснабжением, возобновляют добычу на шахтах, закрытых по экологическим соображениям.

Но даже если в Китай пойдет по трубопроводам газ и нефть из Сибири, для воздушного бассейна Поднебесной растет другая угроза. Число автомашин в Китае перевалило за 20 миллионов, а к 2020 году их может стать 140 миллионов. Тут уж никакой контроль над выхлопами не поможет!

Пулей по рельсам

Шанхай – самый большой, самый богатый, самый продвинутый город в Китае – привык к тому, что его описывают в превосходных степенях. И вот в новостях оттуда снова замелькало слово «самый».

Отныне шанхайцы вправе гордиться самым быстрым в мире поездом, способным развивать скорость свыше 500 километров в час. От шанхайского аэропорта до небоскребов делового центра Пудун теперь можно добраться менее чем за восемь минут. За это время чудо-поезд на магнитной подушке пулей пролетает по рельсам 36 километров. Самый высокотехнологичный в мире экспресс создали известные корпорации Тиссен-Крупп и Сименс, что обошлось Китаю в 1,6 миллиарда долларов.

Теперь те же германские фирмы борются за десятикратно более крупный заказ: за 16 миллиардов долларов проложить первую в Поднебесной сверхскоростную железную дорогу от Пекина до Шанхая. Расстояние между двумя крупнейшими городами страны превышает полторы тысячи километров. И задача состоит в том, чтобы вдвое сократить время в пути – с нынешних четырнадцати до семи часов.

Поначалу речь шла даже о том, чтобы построить эту магистраль к Пекинской олимпиаде 2008 года. Но впоследствии власти оговорились, что сроки еще «уточняются». Дело в том, что Пекин встревожен симптомами перегрева экономики и намерен замедлить рост валового внутреннего продукта до 7 процентов. В связи с этим законсервирован ряд проектов.

Однако пуск шанхайского суперэкспресса свидетельствует о том, что Китай сделал решающий выбор: в пользу японского, а не американо-европейского подхода к будущей роли рельсового транспорта, к темпам и масштабам его модернизации.

Кстати сказать, дебют суперэкспресса в Стране восходящего солнца в свое время был приурочен к первым Олимпийским играм на азиатской земле. Я был свидетелем того, как в канун Олимпиады 1964 года между Токио и Осака (а этот маршрут равнозначен для японца путешествию из Петербурга в Москву) начал курсировать «поезд-пуля». Расстояние в 518 километров он смог преодолевать за три часа вместо шести (нынче еще быстрее).

Линия, названная «Синкансэн» («Новая колея») была потом продлена до городов Фукуока на юге и Ниигата на севере. А в связи с зимними олимпийскими играми в Нагано ее протянули и туда. Так что нынешняя протяженность «Синкансэн» впятеро больше изначальной.

После Токийской олимпиады японские суперэкспрессы долго были чемпионами мира. Они еще более укрепили незаменимую роль, которую играет рельсовый транспорт в Стране восходящего солнца. В отличие от Северной Америки и Западной Европы, японские железные дороги не приходят в упадок с ростом числа личных автомашин и развитием гражданской авиации.

В компактной стране, где на площади чуть больше Финляндии живут 127 миллионов человек (лишь немногим меньше, чем в России), именно поезда остаются самым предпочтительным видом как пригородного, так и междугородного транспорта. Сеть автострад только создается. Так что суперэкспресс побеждает в конкуренции и с автомашиной, и с самолетом. Чем час добираться до аэропорта, час ждать и час лететь, проще и надежнее добраться поездом.

Сопоставим Японию с Германией. По площади они почти равны, а по населению вторая всего на треть уступает первой. Японская железнодорожная сеть имеет общую протяженность 27 тысяч километров, германская – 41 тысячу. Но если в Германии поезда ежегодно перевозят менее 2 миллиардов человек, то в Японии – почти 23 миллиарда. Объем перевозок на порядок выше! И во многом именно потому, что Страна восходящего солнца стала царством суперэкспрессов.

Избрав японский подход в отношении к рельсовому транспорту, Китай рассчитывает, что таким же путем пойдет и такая обширная страна, как Россия. Нет сомнения, что опыт их общего дальневосточного соседа – Японии, создавшей «Синкансэн», мог бы пригодиться при модернизации Транссибирской магистрали. В частности, японская идея проложить железную дорогу Хоккайдо – Сахалин – материк позволила бы ездить прямым поездом от Токио до Лондона и резко повысила бы рентабельность трансконтинентальных контейнерных перевозок.

Как царство суперэкспрессов, Страна восходящего солнца могла бы помочь России и Китаю стать мостом между Западной Европой и Восточной Азией, возродить на новом витке истории идею Великого шелкового пути, что стало бы залогом процветания наших соседних государств в XXI веке.

Лицом к диаспоре

Шел первый год моей заграничной жизни. Я начал работать в Китае и впервые приехал с женой в Шанхай. У входа в магазин «Дружба» к нам подошел пожилой человек.

– Услышал русскую речь и решился попросить об одолжении. Не могли бы вы купить мне три куска мыла? Я тут же с вами рассчитаюсь. (Покупать товары в «Дружбе» могли только иностранцы.)

Я выполнил просьбу, но местный консул настоятельно рекомендовал мне впредь не вступать в контакты с «белогвардейцами» (как тогда у нас называли русских эмигрантов).

Недавно в нашей печати появилось слово «возвращенец». Я искренне рад, что это новое понятие входит в обиход, что среди тех, кто по разным причинам покинул страну до или после краха советской системы, появились желающие вернуться на родину.

Никогда не забуду зал русского эмигрантского клуба в Шанхае 50-х годов. По моей просьбе посольство многократно поручало мне выступать там на праздничных вечерах. Перед каждой такой встречей по традиции заводили старый граммофон. И у седовласых людей на глазах наворачивались слезы от пения Вертинского:

Здесь под небом чужим
Я как гость нежеланный…

Многих наших соотечественников забросила на чужбину гражданская война, другие попали туда как «перемещенные лица» после нацистских лагерей, третьи остались за кордоном как диссиденты-невозвращенцы. А после распада СССР за пределами своего отечества вдруг оказались двадцать пять миллионов русских.

Родина безусловно обязана помнить о зарубежных соотечественниках, проявлять к ним внимание и заботу, удовлетворять их культурные запросы, содействовать стремлению молодежи получить образование на родном языке. Но есть и другая сторона вопроса. Мировой опыт свидетельствует, что зарубежные общины могут оказывать своей исторической родине неоценимую помощь, быть для нее дополнительным генератором роста.

К сожалению, специфика нашей истории такова, что, начиная от белоэмигрантов времен гражданской войны и вплоть до диссидентов 60–80-х годов, любой соотечественник, поселившийся за рубежом, считался отщепенцем, предателем. Даже контакты с ним в советские времена были недопустимы, а уж сотрудничество – тем более.

Наверное, именно из-за такой исторической инерции даже в постсоветский период желание различных поколений нашей диаспоры использовать во благо России свои возможности осуществляется пока непростительно мало. А ведь и зарубежные предприниматели российского происхождения, и «новые русские», осевшие за рубежом, могли бы с выгодой для себя содействовать расширению деловых связей с Россией. Никто из зарубежных конкурентов не сравнится с ними в знании нашей действительности, в понимании российского менталитета.

Пора отбросить недоверие и неприязнь к соотечественникам, которые волею судеб оказались на чужбине, дать им возможность внести свою лепту в дело возрождения России. Надо максимально упростить порядок их возвращения на историческую родину, как это, в частности, практикуется правительствами Германии и Китая.

Известно, как много этнических немцев, предки которых поселились в России еще во времена Екатерины, воспользовались возможностью для переезда на жительство в Германию. А ведь среди них многие стали специалистами благодаря полученному у нас бесплатному образованию. Еще более существенная «утечка мозгов» произошла в Израиль. С переселенцами из

бывшего СССР там на тысячу жителей стало вдвое больше инженеров и ученых, чем в США, и втрое больше, чем в Германии.

Поучительным примером для России может служить Китай, который эффективно использует зарубежных этнических китайцев (хуацяо) как мост для налаживания деловых связей с внешним миром.

Что же представляет собой китайская диаспора по своей численности, географическому размещению и финансово-экономическому потенциалу? Этнических китайцев, проживающих за пределами КНР, можно разделить на три категории. Во-первых, это «ближнее зарубежье», то есть 23 миллиона тайваньцев, а также 7 миллионов жителей Гонконга и Макао. Ко второй категории относится 21 миллион хуацяо в Юго-Восточной Азии. Из них 7 миллионов проживают в Индонезии, по 5 миллионов в Малайзии и Таиланде, 3 миллиона в Сингапуре и 1 миллион на Филиппинах.

Однако самая крупная община в «дальнем зарубежье» находится не в Азии, а на Западном побережье США, где насчитывается 13 миллионов этнических китайцев. Таким образом, общая численность хуацяо составляет 64 миллиона человек – это население крупного европейского государства.

Впрочем, роль китайской диаспоры впечатляет не только количественными, но и качественными показателями. Валовой внутренний продукт Китая перевалил за три триллиона долларов. Таков плод труда 1 миллиарда 300 миллионов китайцев на материке. Однако 64 миллиона хуацяо ежегодно производят товаров и услуг на полтриллиона. Составляя лишь 5 процентов населения Китая, диаспора производит 20 процентов его валового внутреннего продукта.

В Пекине всегда хорошо сознавали, каким колоссальным потенциалом обладает китайская диаспора, как важно иметь с ней хорошие отношения. При всех зигзагах политического курса власти неизменно сохраняли благожелательное отношение к хуацяо. Даже в догматические годы «большого скачка» и «культурной революции» их поощряли навещать родственников, присылать детей в китайские вузы, быть похороненными на земле предков. Отказ от принудительной экспроприации частной промышленности и торговли в годы первой пятилетки был продиктован желанием не отпугнуть заморских китайцев.

Поэтому когда Китай встал на путь экономических реформ, начал переход к социально ориентированной рыночной экономике, его главными партнерами среди зарубежных предпринимателей стали именно хуацяо. Первые четыре свободные экономические зоны на юге страны были ориентированы на связи с Гонконгом и Тайванем. Предприятия, созданные на средства хуацяо, производят треть китайского экспорта.

Налицо не просто желание зарубежных соотечественников способствовать модернизации своей исторической родины. Происходит формирование экономической зоны Большого Китая. Рабочая сила, природные ресурсы, потребительский рынок КНР, финансовый и технологический потенциал Тайваня, коммерческий опыт Гонконга – все это, вместе взятое, по оценке Всемирного банка, позволяет экономической зоне Большого Китая стать в XXI веке генератором роста мировой экономики.

И вот итог, над которым стоит призадуматься: хуацяо вложили в страну своих предков больше капиталов, чем США, Западная Европа и Япония, вместе взятые. На их долю приходится больше половины прямых зарубежных инвестиций. Так почему бы нашим состоятельным соотечественникам за рубежом не взять пример с хуацяо, а Москве не поучиться у Пекина разумному, то есть благожелательному, отношению к русскоязычной диаспоре?

Как меня водили на расстрел

Случилось так, что перед моим тридцатилетием, осенью 1956 года, меня в Китае едва не расстреляли, приняв за диверсанта.

Накануне Восьмого съезда компартии Китая я решил посетить революционную столицу Янань на Лессовом плато. Там почти двумя десятилетиями раньше, сразу после Великого похода, проходил предыдущий, Седьмой съезд КПК. Добраться туда было трудно. Зато побывал в пещерах, где жили руководители китайской революции и представитель Коминтерна со своим радистом, где когда-то начинало работу агентство «Синьхуа». Словом, собрал материал для очерка «От Янани до Пекина».

Уже собирался в обратный путь, когда местные власти посоветовали задержаться в Янани еще на неделю. Синоптики предвещали ливневые дожди, когда ездить на автомашине по Лессовому плато опасно.

Лесс в излучине Хуанхэ образовался из древних илистых отложений Желтой реки. Места тут засушливые, но, когда муссон приносит дожди, почва превращается в кисель и легко вымывается водяными потоками. Так и возник здешний экзотический ландшафт, напоминающий знаменитый каньон Колорадо: плосковерхие холмы, изрезанные глубокими ущельями. По их почти отвесным склонам вьются проселочные дороги. Строить их, как и пещерные селения, легко. Но стоит пройти дождю, повсюду начинаются оползни.

Задержаться в Янани еще на неделю я категорически не мог. Это означало бы опоздать на Восьмой съезд КПК, на который должна была прибыть делегация КПСС, включающая моего главного редактора. Поэтому решил положиться на русский авось: ехать-то меньше трехсот километров, на европейских автострадах вообще не расстояние.

Кроме водителя, нас в джипе было трое: собкор «Жэньминь жибао» в провинции Шэньси, оператор китайской кинохроники и я. Примерно половину пути успели проскочить до дождя. Но как только стемнело, небеса буквально разверзлись, хлынули потоки воды. Наш джип накренился, будто салазки, и заскользил по склону. Я навалился всем телом на китайского коллегу.

Выбравшись наружу, порадовались: целы и невредимы. Водитель сказал, что до рассвета останется в машине, а мы принялись карабкаться по обрыву. Это было похоже на кошмарный сон. Проползешь по грязи метров пять вверх – и снова срываешься вниз. Наконец зашагали в кромешной тьме по кромке дороги. В Китае деревни разбросаны густо: едва скрывается из виду одна, показывается другая. Но на Лессовом плато мы брели добрых пару часов, пока наконец услышали собачий лай.

Дом на краю деревни, судя по добротным воротам, принадлежал бывшему помещику. Разбуженный среди ночи хозяин пустил нас внутрь. Мои спутники стали расспрашивать: как называется деревня, далеко ли до железнодорожной станции. Уже потом мы поняли, что подобные вопросы людей, словно свалившихся с неба, не могли не насторожить его.

Дело было в разгар кампании под лозунгом: «Непременно освободим Тайвань!» Страна была помешана на поисках гоминьдановских агентов. И трое незнакомцев, один из которых к тому же с иностранной внешностью, естественно, вызвали подозрение.

Хозяин угостил нас чаем и пошел позаботиться о ночлеге. Через полчаса в фанзу ворвались ополченцы с дробовиками. Нас связали и заперли в сарае. Утром принялись допрашивать. Меня особенно встревожило, что предъявленные мною документы староста держал вверх ногами – в деревне не было грамотных. Допытывались: «Где ваши парашюты?» Мы твердили, что ехали из Янани на автомашине. Но посланные на ее поиски люди вернулись ни с чем.

В конце концов всех жителей собрали на митинг. Нас со связанными за спиной руками поставили на колени перед толпой. Ополченец придавил мне шею ногой в соломенной санда-

лии и приставил ружье к виску. Не раз видел по телевидению, что именно в такой позе совершаются публичные казни.

Часть участников сходки требовала, чтобы нас расстреляли немедленно. Другие предлагали отправить нас в уезд, чтобы нашей казнью «воспитать более широкие массы». Тут я нарушил молчание, которое хранил по просьбе своих спутников. Сказал по-китайски, что мы действительно агенты. Если они нас казнят, председатель Мао не получит важных сведений о планах врага. Нас, мол, надо сдать в уездное управление общественной безопасности.

К моей радости, староста с этим согласился. Просидели еще ночь в запертом сарае, а на следующее утро приехал вездеход с оперативниками. Нас посадили в зарешеченный фургон и через пару часов доставили в уезд. Ну а там уже знали, что нас повсюду ищут. Вечером я был в гостинице для советских специалистов в Сиани. Налил полный стакан коньяка, и тут у меня вдруг стало дрожать левое колено – дал о себе знать накопившийся стресс.

Сразу после возвращения в Пекин по уши окунулся в освещение Восьмого съезда КПК. «Правда» ежедневно отводила этой теме целую страницу. (Газету доставляли из Хабаровска самолетом и раздавали делегатам вместе с «Жэньминь жибао».)

В завершающий день съезда в комнату для иностранных корреспондентов неожиданно вошел Мао Цзэдун и спросил:

– Кто тут из «Правды»?

– Это я, – робко произнес я.

Великий кормчий протянул мне свою пухлую руку и, как всегда афористично, изрек:

– Потрудился так потрудился. Освещал съезд хорошо!

Так самый опасный эпизод моей работы в Китае сомкнулся во времени с самым триумфальным.

Семьдесят на тридцать

В таком соотношении китайцы оценивают заслуги и ошибки Мао Цзэдуна. Значки с профилем Мао нынче носят не одни седовласые ветераны. Они остаются в моде и у молодежи. Чем больше материальных благ приносит рыночная экономика, тем чаще юноши и девушки тоскуют по романтике революционных лет. Встречаясь в Пекине с китайцами самого разного возраста, достатка и положения, убеждаешься, что формула «семьдесят на тридцать», как соотношение заслуг и ошибок Мао Цзэдуна, отражает общее мнение его соотечественников.

Полвека назад я своими глазами видел китайских Павлов Корчагиных на новостройках индустриализации. 26 декабря 1953 года страна праздновала первую победу первой пятилетки. На Анынаньском металлургическом комбинате вступили в строй новая доменная печь, рельсобалочный и трубопрокатный цехи.

По этому случаю из Москвы прилетел заместитель председателя Совнаркома Тевосян. В своей приветственной речи он поздравил китайский народ с тем, что столь важное событие совпало с шестидесятилетием председателя Мао Цзэдуна. И сообщил, что советское руководство дарит юбиляру личный самолет, оснащенный новейшей системой правительственной связи.

Эти слова прозвучали тогда для китайцев как сенсация. О шестидесятилетии главы государства (а именно оно считается на Дальнем Востоке главной вехой в жизни любого человека) в печати не говорилось ни слова. Дело в том, что после победы революции Политбюро запретило присваивать населенным пунктам, предприятиям и учреждениям имена ныне здравствующих руководителей, отмечать их юбилеи.

Приведенный факт свидетельствует, что культ личности поначалу не был присущ КНР. Он сложился и принял уродливые формы только во времена «великой пролетарской культурной революции» 60-х годов. Тогда под лозунгом Мао Цзэдуна «Огонь по штабам!» хунвэйбины учиняли самосуды, размахивая сборниками цитат «великого кормчего».

Хотя лозунг «Огонь по штабам!» ныне расценивается как преступление, китайское общество убеждено, что заслуг у Мао вдвое больше, чем ошибок. Распространена такая метафора: «Если ружье заржавело, в этом виновато не оно, а владелец, который его не почистил. Ошибки Мао – результат порочной системы пожизненного пребывания на руководящих постах».

Когда я начал работать в Пекине полвека назад, там было аккредитовано 12 иностранных послов и 14 зарубежных журналистов. Поэтому нас приглашали на все государственные банкеты. Буквально в нескольких метрах от нашего стола Мао Цзэдун чокался то с Неру, то с Сукарно, то с Хо Ши Мином. «Великий кормчий» ярко выделялся среди гостей и ростом, и высоким лбом, и каким-то устремленным вдаль взглядом. А слава каллиграфа и поэта еще больше приумножала харизму лидера нации.

После того, как Мао Цзэдун в 1956 году специально зашел в комнату для иностранных журналистов, чтобы пожать мне руку и лично поблагодарить за освещение работы Восьмого съезда КПК, все мои проблемы стали решаться одна за другой. Вместо фанзы с земляными полами и дымными буржуйками корпункт переместили в современную квартиру с центральным отоплением. А при поездках по стране уже не требовалось согласовывать их с отделом печати МИД. После рукопожатия «великого кормчего» ко мне стали относиться чуть ли не как к святому!

Черные трусы до колен

Одним из самых памятных моментов моей полувековой журналистской карьеры я считаю май 1989 года. В разгар многодневных студенческих манифестаций на площади Тяньаньмэнь Дэн Сяопин и Михаил Горбачев договорились полностью нормализовать отношения между Пекином и Москвой, положить конец абсурдной тридцатилетней конфронтации.

Мне довелось быть не только свидетелем, но и участником этого события. В качестве эксперта советской делегации я работал над подготовкой всех документов данного визита, каждый день передавал в газету репортажи.

Очень утомительно было по нескольку раз в день проталкиваться сквозь толпы манифестантов, которые заполонили главную площадь столицы и парализовали автомобильное движение в центре города. А ведь мне надо было присутствовать на мероприятиях в Доме народных собраний, а потом так же пешком возвращаться в «Пекин-отель» на очередной сеанс связи (мобильных телефонов у нас тогда еще не было).

Увидев меня после итоговой пресс-конференции, Горбачев сказал послу Трояновскому: «Больше всех, наверное, сегодня радуется Овчинников. Ведь вся эта размолвка прошла трещиной по его судьбе». Тогда мне действительно вспомнились драматические события 1959 года, свидетелем и участником которых я был.

Первая трещина в китайско-советских отношениях появилась после Двадцатого съезда КПСС. По мнению Мао Цзэдуна, Хрущев был не вправе самовольно выступать против культа личности Сталина, не посоветовавшись с международным коммунистическим движением.

После успешного завершения первой пятилетки, которая осуществлялась на основе советского опыта и при содействии наших специалистов, «Великий кормчий» прибег к авантюристической тактике «большого скачка» (тогдашний лозунг – «Три года горького труда – десять тысяч лет счастья»). Мао решил первым скакнуть в коммунизм. Крестьян заставили не только коллективно трудиться, но и есть из общего котла. Во дворе газеты «Жэньминь жибао», как и повсюду в Пекине, варили сталь. А я с китайскими коллегами неделю таскал на коромысле корзины с землей, помогая строить Шисаньлинское водохранилище. «Прыжок в коммунизм» закончился бедствием для страны и народа.

Причину провала стали искать в международной обстановке. В начале 50-х годов «Голубь мира» Пикассо был у китайцев самой популярной эмблемой – он красовался даже на туалетной бумаге. И вот в Пекине словно забыли, что именно Чжоу Эньлай и Неру в свое время провозгласили знаменитые «панча шила» – пять принципов мирного сосуществования, которые на конференции в Бандунге стали политической платформой неприсоединившихся стран. Китайское руководство стало обвинять Хрущева в ревизионизме за его попытки снизить накал «холодной войны», сделать идею мирного сосуществования стержнем внешней политики социалистических государств.

Самая драматическая коллизия возникла в связи с этим осенью 1959 года. В сентябре Хрущев должен был совершить эпохальную поездку по Соединенным Штатам, а к 1 октября прилететь в Пекин на десятилетие Китайской Народной Республики. Меня включили в рабочую группу по составлению его речи на юбилейном собрании, точнее – разделов, посвященных Китаю и советско-китайским отношениям.

Незадолго до визита Никиты Сергеевича за океан на китайско-индийской границе вспыхнули вооруженные столкновения. Как и в других частях бывшей Британской империи, англичане оставили там тлеющие угли, дабы использовать нестабильность для сохранения своего влияния в регионе.

Чтобы оградить советского лидера от нежелательных расспросов на сей счет, было опубликовано Заявление ТАСС. В нем выражалось сожаление по поводу пограничного конфликта

и надежда, что обе стороны решат спор мирными средствами, за столом переговоров. Такая позиция Москвы вызвала негодование Пекина. Как, дескать, можно ставить на одну доску братскую страну социализма и капиталистическое государство!

И вот в самый разгар тех пресловутых «десяти дней, которые потрясли Америку», китайское руководство неожиданно перенесло начало юбилейных торжеств с 1 октября на 26 сентября. Хрущев оказался перед нелегким выбором: либо скомкать свой триумфальный визит в США, либо поручить кому-то другому выступать на китайском юбилее. Он предпочел второе, в результате чего доклад, над которым мы трудились, зачитал Суслов. Хрущев прилетел в Пекин лишь 30 сентября. На другой день демонстранты все-таки увидели его на трибуне ворот Тяньаньмэнь.

После праздничных торжеств Мао пригласил советского гостя в свою резиденцию близ столицы. Там Хрущева ждал конфуз. Хозяин встретил его в бассейне и предложил присоединиться к нему. Но беда была в том, что Никита Сергеевич не умел плавать. В своих черных сатиновых трусах до колен он, как и на отдыхе в Пицунде, мог зайти в воду лишь до пояса и несколько раз присесть, дабы окунуться. Можно представить себе, сколь неуклюже выглядел гость на фоне хозяина, легко пересекавшего километровую ширь Янцзы. Хрущев был настолько взбешен, что отменил недельную поездку по Китаю и решил немедленно возвращаться на родину.

Думаю, причинами размолвки между Пекином и Москвой, которая привела к дорогостоящей тридцатилетней конфронтации, были не только идеологические разногласия, но личная неприязнь двух лидеров. Это чувство у Хрущева усиливали воспоминания о своей беспомощной фигуре в длинных сатиновых трусах, когда он барахтался в бассейне рядом с «великим кормчим».

Три встречи с Цзян Цзэминем

Дело было 14 июня 2001 года. В этот день в Шанхае произошла встреча высших руководителей шести государств, прилегающих к бывшей советско-китайской границе, – президентов России, Китая, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана. Родившаяся там за пять лет до этого «шанхайская пятерка» превратилась в «шестерку», официально говоря, в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС).

Разумеется, быть хозяином подобного саммита очень хлопотно. И мы – восемнадцать журналистов из упомянутых стран, приглашенные министерством иностранных дел КНР освещать это событие, – с пониманием восприняли огорчительную для нас новость: утром 14 июня Цзин Цзэминь сможет дать нам не интервью, как было ранее обещано, а лишь протокольную аудиенцию.

Нас подняли до рассвета, и уже в семь утра мы были в шанхайской загородной резиденции главы государства. Председатель КНР поблагодарил нас за приезд, пожелал успешной работы на саммите, сфотографировался вместе с нами и откланялся.

Но когда все выходили из приемной, Цзян Цзэминь неожиданно взял меня за локоть и сказал по-русски:

– А вас, Штирлиц, я попрошу остаться! Ведь мы, если помните, впервые встретились еще тридцатилетними. В мире не так уж много политиков и журналистов, которых связывает столь длительное знакомство. Так что обстоятельный разговор с глазу на глаз мы заслужили.

Для нас обоих эта третья по счету встреча произошла накануне нашего семидесятипятилетия. Впервые мы увиделись в 1956 году. Страна отмечала важную победу первой пятилетки – пуск первенца отечественного автомобилестроения. И я, будучи корреспондентом «Правды» в КНР, разумеется, приехал в Чанчунь, дабы рассказать об этом событии.

Попросил устроить мне встречи с заводчанами, которые стажировались в СССР. Среди них оказался и мой ровесник – главный энергетик завода инженер Цзян Цзэминь. Однако в своем репортаже я слишком увлекся тем, как сошел с конвейера первый в истории Китая грузовик «Цзефан» («Освобождение» – слово тогда столь же популярное, как в свое время у нас «Победа»). И в сюжете очерка для главного энергетика не нашлось места.

Но ветераны Московского автозавода имени Лихачева хорошо помнят улыбчивого и общительного китайского стажера, который дирижировал хором своих соотечественников в зиловском Дворце культуры. На заводской ТЭЦ красуется мемориальная доска: «Здесь в 1955–1956 годах проходил стажировку инженер-энергетик Цзян Цзэминь, впоследствии Председатель КНР».

Заводчане вспоминают, что Цзян Цзэминь любил блеснуть знанием русского языка, особенно выражений, которые можно почерпнуть только из жизни. Кто-нибудь из заводоуправления заходил на ТЭЦ и спрашивал:

– Ну как дела, товарищ Цзян?

Он весело подмигивал и отвечал:

– Дела идут, контора пишет…

Цзян Цзэминя называют представителем третьего поколения партийно-государственного руководства КНР. Ушла из жизни когорта отцов-основателей, профессиональных революционеров (Мао Цзэдун, Лю Шаоци, Чжоу Эньлай). Ушли и их преемники, реформаторы-самородки во главе с Дэн Сяопином. И вот у кормила власти впервые оказался интеллектуал-технократ, способный мыслить категориями последних достижений науки, правильно оценивать направленность глобальных процессов.

Именно шанхайскому инженеру Цзян Цзэминю, когда-то написавшему диссертацию о тенденциях развития мировой энергетики, в первые годы реформ было поручено совершить

кругосветное путешествие, дабы ознакомиться с опытом свободных экономических зон (СЭЗ) в различных странах – от Шаннона в Ирландии до Джуронга в Сингапуре. Сделанный им на Политбюро ЦК КПК доклад стал основополагающим документом для создания четырех первых СЭЗ, расположенных поблизости от Гонконга и Тайваня.

Как и автор этих строк, Цзян Цзэминь родился в 1926 году. Незадолго до провозглашения КНР окончил шанхайский университет Цзяотун. Когда много лет спустя Цзян вновь посетил свою альма-матер, студенты спросили его: как из обладателя диплома инженера-энергетика может вырасти государственный деятель?

В ответ Цзян Цзэминь вспомнил свою любимую книгу «Мои университеты» Горького, рассказал о поездке в Нижний Новгород, о посещении дома, где родился Алеша Пешков. Он подчеркнул, что факультетов, которые готовили бы глав государств или великих писателей, не существует. Таким университетом может быть только жизнь.

Именно об этом свидетельствует биография Цзян Цзэминя. После нашей первой встречи в Чанчуне мой оставшийся за рамками очерка герой круто пошел вверх по служебной лестнице, работал заместителем председателя Государственного комитета по внешней торговле и иностранным инвестициям, министром электронной промышленности КНР.

В 1985 году Цзян Цзэминь стал мэром Шанхая, а два года спустя – первым секретарем Шанхайского горкома КПК. На этом посту его и застали драматические события на площади Тяньаньмэнь в мае-июне 1989 года. На тогдашнего генсека ЦК КПК Чжао Цзыяна возложили вину за то, что студенческие манифестации вышли из-под контроля. Старая гвардия в партийном руководстве требовала поставить на его место «китайского Гришина» – первого секретаря Пекинского горкома Чэнь Ситуна, способного «закрутить гайки».

Вопреки их нажиму Дэн Сяопин добился, чтобы во главе партии и государства был поставлен не противник, а сторонник реформ. Выбор пал на Цзян Цзэминя, тем более что в Шанхае, которым он руководил, дело обошлось без студенческих волнений.

В 1990 году я оказался первым из иностранных журналистов, кому Цзян Цзэминь, тогда уже Генеральный секретарь ЦК КПК, дал эксклюзивное интервью. Он начал разговор по-русски, вспомнил свою стажировку в Москве, шутливо упрекнул, что после нашей встречи в Чанчуне я в своем очерке ни разу его не процитировал. Потом, заговорив об опыте свободных экономических зон, перешел на хороший английский. А под конец беседы, желая показать, что знаком с моей журналистской биографией, уверенно произнес несколько фраз по-японски.

Во время нашей третьей встречи, в день, когда родилась Шанхайская организация сотрудничества, Цзян Цзэминь беседовал со мной 37 минут – всего на три минуты меньше, чем с президентами среднеазиатских республик. А поговорить было о чем. О переменах, что произошли в наших странах за 45 лет с тех пор, как мы познакомились на пуске первого китайского автозавода, о перспективах отношений между великими соседними народами.

Как китаист стал японистом

Чтобы объяснить, почему я из китаиста переквалифицировался в японист, вспомним ссору между Хрущевым и Мао Цзэдуном. Вернувшись в Москву после семи лет работы в Пекине, я из-за размолвки лидеров почувствовал себя словно у разбитого корыта. Прежде мог называть себя баловнем судьбы: ведь любая тема, связанная с Китаем, в 50-х годах считалась приоритетной. Среди зарубежных собкоров «Правды» я был не только самым молодым, но и чаще всех публиковался.

Атмосфера, в которой я начал свою журналистскую карьеру, оказалась на редкость благоприятной. Фраза «русский с китайцем – братья навек» была тогда не только строкой из песни. Дружба соседних народов не сводилась к речам государственных деятелей и газетным передовицам. Она реально вошла в тысячи человеческих судеб.

О китайских студентах, которые просиживали выходные дни в читальных залах наших вузов, до сих пор ходят легенды. Да и наши специалисты возвращались из Китая выросшими в профессиональном отношении. К ним постоянно обращались с вопросами, выходившими за пределы их обязанностей, что побуждало углублять знания. К тому же китайцы всячески поощряли своих наставников к новаторству, беря ответственность за риск на себя.

Инженер Константин Силин, например, не только обеспечил успешное строительство первого в истории моста через Янцзы, но и впервые использовал там принципиально новый, бескессонный метод возведения мостовых опор, который долго не решались применить на родине.

Мне выпало счастье быть в гуще этих окрашенных романтикой событий. Возможность беседовать со мной один на один, без переводчика, сразу придавала контактам с местными руководителями доверительный характер. Они относились ко мне не как к иностранцу, а как к своему. Я тоже держал себя как человек, допущенный к информации «для служебного пользования».

Однажды, когда я был в отпуске, меня пригласил Юрий Андропов, который курировал социалистические страны как секретарь ЦК КПСС. Именно от меня он впервые услышал о намерении Мао Цзэдуна уйти с поста главы государства и остаться лишь руководителем партии. Вскоре мои слова подтвердились. Андропов предложил мне стать консультантом в его отделе. Это сулило тогда много благ и привилегий. Стоило немалого труда убедить его, что журналиста лучше оставить в газете.

Словом, судьба меня изрядно избаловала. И когда из-за ссоры между Пекином и Москвой китайская тема утратила былую актуальность, я решил переквалифицироваться в японист. Используя свой авторитет востоковеда, убедил начальство, будто японский язык отличается от китайского не больше, чем белорусский от русского. Иероглифы, мол, те же самые, и наши восточные соседи без труда понимают друг друга.

Мне наняли преподавателя, чтобы в рабочее время дважды в неделю брал уроки японского языка. Китайский я учил пять лет по восемнадцать часов в неделю, к тому же мне было тогда за двадцать, а не за тридцать. Так что быстро овладеть вторым восточным языком было нереально. Но меньше чем через два года после возвращения из Китая я был направлен на постоянную работу в Японию.

Название этого государства, которое по-китайски звучит как Жибэнь, а по-японски как Ниппон, пишется двумя иероглифами, первый из которых означает «солнце», а второй «корень». В страну, расположенную «у корней солнца», я прилетел с женой и семилетней дочерью в мае 1962 года.

Мой предшественник Игорь Латышев, японист-историк, привез нас из аэропорта в гостиницу, сел в машину и скрылся в ночи. И тут я впервые устрашился собственной дерзости.

Через три дня он передаст мне дела и уедет. И я останусь один на один с незнакомой страной, толком не зная языка, не умея водить машину…

Первый год действительно был самым трудным в моей жизни. С семи до девяти утра я ежедневно занимался языком с японским преподавателем. Потом переводчик рассказывал мне о содержании газет, помогал смотреть полуденные выпуски теленовостей, после чего я садился писать очередной материал. Редакция вызывала меня в девять утра по московскому или в три дня по местному. Шестичасовая разница во времени была для собкора огромным преимуществом.

Постепенно стал понимать новости по телевидению (выручало то, что японцы сопровождают зрительный ряд иероглифическими титрами). Иероглифы помогали ориентироваться и в газетных заголовках, отбирать для перевода наиболее интересное и нужное.

Записался в автошколу, впервые в жизни получил водительские права. Начал ездить по левой стороне, день за днем расширяя круг освоенных маршрутов – от посольства, пресс-клуба и коллег до выездов за город.

Поставил в квартире телетайп с новостями агентства «Киодо» на английском языке, что позволило мне на сутки опережать газеты. Примерно через год пришло чувство удовлетворения, которое испытывает журналист, когда он в состоянии со знанием дела прокомментировать любое событие, происходящее в его стране. Как теннисист: едва отбив мяч, посланный в левый угол, уже готов принять удар в правый.

Куда труднее оказалось получить признание соотечественников. В любой профессии существуют кланы, и востоковеды не исключение. Дипломаты, чекисты, журналисты работали в Токио как профессионалы. И каждого из них свербил вопрос: «Да что этот Овчинников может понимать в Японии? Он же китаист…»

Сломать отношение ко мне как к чужаку-дилетанту было самым трудным. Зато одержать здесь победу стало столь же радостным. Спустя пару лет моим мнением уже интересовались все. Китайский язык – это латынь Восточной Азии. Так что мои знания древнекитайской философии и литературы позволяли мне блеснуть перед японцами там, где наши японисты мне явно уступали.

Я нашел свой собственный подход к освещению Страны восходящего солнца. Задался целью найти скрытые пружины послевоенного экономического чуда в особенностях японского менталитета, человеческих отношений в этой замкнутой и малопонятной для иностранцев стране. Это подвело меня к мысли написать путеводитель по японской душе, каковым стала книга «Ветка сакуры».

У корней солнца. «Ради нескольких строчек в газете…»

Современной молодежи, привыкшей к мобильным телефонам, трудно представить себе муки журналиста старшего поколения, который сумел оказаться в нужное время в нужном месте, написать остро необходимый газете репортаж, но не может вовремя передать его в редакцию.

Мой уважаемый предшественник Константин Симонов любил повторять, что на войне прямой провод олицетворял 90 процентов успеха фронтового корреспондента. В моей журналистской биографии есть эпизоды, подтверждающие это.

В середине 60-х годов администрация США решила принять меры против японской ядерной аллергии – обостренно-негативного отношения ко всему, что связано с атомным оружием. Парламент страны, пережившей Хиросиму и Нагасаки, конституционным большинством утвердил три неядерных принципа: не создавать, не приобретать, не размещать ядерного оружия.

Главной ударной силой 7-го флота США к тому времени стали атомные подводные лодки со стратегическими ракетами. Но использовать Японию для их базирования оказалось нельзя. И тут Вашингтон решил применить «шоковую терапию»: начать регулярные заходы американских атомных ракетоносцев в японские порты, надеясь, что они станут привычными, а выступления протеста мало-помалу затихнут.

Борьба против попыток США силой нарушить три неядерных принципа была тогда темой номер один для корреспондента «Правды». Как и мои коллеги, я был убежден, что местом первого захода станет главная база 7-го флота США – порт Йокосука на берегу Токийского залива.

И вот однажды узнал в вечерних теленовостях: американская атомная подводная лодка «Морской дракон» утром зайдет в порт Сасебо на юге Японии, близ Нагасаки. Надо признать, Пентагон всех перехитрил. В Сасебо нет боевитых профсоюзов, как на побережье Токийского залива. А жители этого небольшого городка прямо или косвенно обслуживают американскую военно-морскую базу. Так что желающих участвовать в демонстрациях протеста там гораздо меньше, чем в Йокосуке.

Поздно вечером, не сказав никому ни слова, я взял в кассе на станции метро авиабилет на первый утренний самолет до Нагасаки. Однако в пункте назначения меня уже ожидал «хвост». Как видно, компьютер засек мое неяпонское имя и просигнализировал кому надо.

Обычно японские спецслужбы меня не «пасли», а вели наружное наблюдение только во время моих поездок по стране. Они хорошо знали, «кто есть кто» среди моих коллег. Ведь корреспондент «Правды» мог тратить на представительские цели 100 долларов в год, а корреспондент «Нового времени» – 1000 долларов в месяц; сделать выводы было не трудно.

В целом мои отношения с контрразведчиками были корректными. У меня не было нужды от них отрываться. А они не пытались делать компрометирующие снимки «человека, похожего на корреспондента «Правды». Хотя поводы для этого порой бывали. Это не исключало попыток при необходимости вставлять мне палки в колеса. Так было и на сей раз.

Я взял такси от Нагасаки до Сасебо. Однако при въезде в город нас остановил полицейский патруль. Водителя обвинили в нарушении правил, полтора часа оформляли какие-то протоколы. Все это было инсценировано, чтобы к заходу атомной субмарины в порт советский журналист опоздал. Но я присутствовал на митинге протеста, который вскоре состоялся перед штабом базы, написал репортаж с места события.

Осталось передать текст в газету. Редакция ежедневно вызывала меня в три часа дня по-местному. Требовалось срочно сообщить на токийскую телефонную станцию мой номер в

Сасебо и перевести туда вызов. Центр города был оцеплен, добраться до какой-нибудь гостиницы и снять там комнату не было времени.

Поэтому я рискнул зайти в американский офицерский клуб напротив главных ворот базы. Расчет на чувство солидарности с иностранцем, оказавшимся среди азиатов, оправдался. Я приветственно махнул рукой часовому, он – мне.

Уверенной походкой Штирлица прошел в бар. Заказал у негра за стойкой пива, узнал у него номер здешнего телефона и по-японски попросил знакомого клерка на токийском телефонном узле перевести вызов из моей газеты на американский офицерский клуб в Сасебо. Через несколько минут телефон зазвонил, и я услышал в трубке голос правдинской стенографистки:

– Передавать будете?

Начал диктовать текст, естественно, по-русски. Американские офицеры за соседними столиками стали недоуменно переглядываться. Засветился я, когда передавал по буквам название порта: «Сергей – Анна – Сергей – Елена – Борис – Ольга» (слишком много русских имен подряд). Вокруг меня началось какое-то движение. Появился вахтенный офицер в сопровождении двух морских пехотинцев. К счастью, связь не прервали, дали договорить и попросили документы. Я предъявил карточку международного пресс-клуба и поблагодарил за телефон.

– Москва, «Правда», – громко прочитал офицер. – Стало быть, приехали афишировать антиамериканские демонстрации? А вы написали о тех жителях, которые приветствовали заход «Морского дракона»? (Тут лейтенант был прав. Я действительно не упомянул о местных проститутках и хозяевах питейных заведений, вышедших на причал с плакатом «Добро пожаловать!».) Ну что ж, вам, наверное, пора присоединиться к вашим единомышленникам!

Рослые морские пехотинцы взяли меня под локти и вежливо, но напористо вытолкнули из дверей американского офицерского клуба. И тут я оказался лицом к лицу с шеренгами возбужденных демонстрантов. Их кулаки тянулись прямо к моему носу, а от адресованных мне возгласов: «Янки, убирайтесь домой!» – пробирала дрожь. В меня бросали перезрелые помидоры (гнилых в Японии, как видно, не нашлось). А когда рабочих сменили студенты, из колонны полетели банки от пива и, что гораздо хуже, бутылки от пепси-колы.

К счастью, меня спас полицейский патруль. Разрешил укрыться в фургоне для арестованных. «Куда смотрит ваш профсоюз? – укоризненно говорил сержант. – Работать в горячей точке без каски – значит нарушать технику безопасности. Видите? Тут все в касках – и мы, и демонстранты, и журналисты». (Представил себя входящим в американский офицерский клуб в каске, на которой красуется логотип «Правды» с тремя ее орденами.)

Между тем коллега из «Известий», остававшийся дома у телевизора, без хлопот написал материал с почти таким же эффектом присутствия, как у меня. Но, как говорится, то – да не то. Ни с чем не сравнишь чувство радости, которое испытывает журналист, сумевший попасть в эпицентр событий и преодолеть препятствия «ради нескольких строчек в газете».

Меч и лягушка

Провел целый день рядом с «катана-кадзи» – мастером ковать клинки для самурайских мечей. И словно прикоснулся к чуду, стал свидетелем священного ритуала.

Кузнец-оружейник работает с тремя молотобойцами. Клинок формируется из множества прослоек металла с разным содержанием углерода. Это похоже на слоеное тесто. В результате проковки, складывания и новой проковки образуется брус с чередованием низкоуглеродистой и высокоуглеродистой стали. Затем наступает черед закалки – многократного нагревания и охлаждения клинка.

Ковка меча напоминает религиозный ритуал не только потому, что с ней связано множество секретов мастерства. С XII века, с так называемой эпохи Камакура, в японском обществе сложился культ меча. Он был для воина не только личным оружием, символом его отваги, его чести. Меч олицетворял принадлежность человека к высшему кругу общества – к сословию самураев.

Меч и искусство владения им легли в основу самурайского кодекса чести «бусидо» («путь воина»). Именно меч подарил бог грома своей сестре – богине солнца Аматерасу, а она вручила его внуку, которого отправила властвовать на землю. Так что меч – это и воплощение самурайского духа, и религиозная святыня, символ императорской династии.

Принято считать, что ее мифический основатель – император Дзимму вступил на престол 11 февраля 660 года до нашей эры. Именно он определил божественное предназначение Страны восходящего солнца – «собрать восемь углов мира под одной крышей». В 1940 году правители Японии шумно отметили «2600-летие восшествия Дзимму на престол». И тогда же подписали «тройственный пакт» с Гитлером и Муссолини.

Девиз мифического императора был возведен в ранг государственной политики, стал идеологической основой агрессии против соседних народов. За шовинистический угар, за попытки мечом «собрать восемь углов мира под одной крышей» пришлось расплачиваться дорогой ценой.

В феврале, когда россияне отмечают День защитника Отечества, в Стране восходящего солнца из года в год вспыхивают споры: следует ли отмечать 11 февраля как государственный праздник? После капитуляции Японии американские оккупационные власти запретили ковку клинков, а также фехтование, поскольку культ меча отождествлялся с милитаристской идеологией. Однако с 1967 года этот запрет снят, 11 февраля вновь именуется в календаре «Днем основания государства».

Поражение Японии во Второй мировой войне – первое в ее истории – породило в Стране восходящего солнца мощную волну пацифизма. Ею воспользовались в своих целях американские оккупационные власти.

Японцы моего поколения помнят популярный политический анекдот 40-х годов: «Вы читали нашу послевоенную конституцию?» – «А разве она уже переведена на японский язык?» Под диктовку Вашингтона Токио включил в основной закон страны статью девятую, которая гласит: «Япония навечно отказывается от войны как суверенного права нации и не станет впредь создавать какие либо вооруженные силы, будь то армия, флот или авиация».

Через несколько лет американцы почувствовали, что перестарались с демилитаризацией поверженного противника. Япония стала для них ближним тылом в вооруженных конфликтах, которые вспыхнули в Корее, во Вьетнаме, а в глобальной «холодной войне» обрела роль «непотопляемого авианосца» у берегов СССР и КНР.

Пришлось искать обходные пути для перевооружения государства, которому сами же отказали в праве вооружаться. Японцам, дескать, приходится жить как бы на спине дракона. Страна вулканов, землетрясений, тайфунов и цунами не может, мол, обойтись без военизиро-

ванной структуры, способной оказывать экстренную помощь населению в случае стихийных бедствий.

Так вопреки ныне действующей конституции в Японии были созданы «силы самообороны» – небольшой по численности, но прекрасно обученный и оснащенный костяк современной армии, авиации и флота (150 тысяч военнослужащих, 480 боевых самолетов, 140 военных кораблей). Токио поклялся, что не будет тратить на них больше 1 процента валового внутреннего продукта. Но при ВВП в 4,5 триллиона долларов даже такая доля образует четвертый по величине военный бюджет в мире.

Общественность успокаивали, что «силы самообороны» оснащены только оборонительным оружием, что они вправе действовать лишь на земле, в территориальных водах и воздушном пространстве Японии и не предназначены для отправки за рубеж. Раз, мол, в стране нет всеобщей воинской обязанности, нет даже министерства обороны, о какой ремилитаризации можно говорить?

Однако миролюбивые силы приводили в ответ японскую пословицу: «Сколько ни тверди, что головастик совсем не похож на лягушку, из него все равно вырастет лягушка!»

Японский пацифизм родился в стране Хиросимы и Нагасаки. Его сердцевиной была «ядерная аллергия» – обостренное отрицание всего, что связано с атомным оружием.

И все же ставить вопрос об отмене девятой статьи конституции, о полной легализации вооруженных сил и оснащении их оружием массового поражения в Токио до сих пор считают самоубийственным для политика. Это, впрочем, не исключает обходных путей: «нельзя отменять, но можно игнорировать».

Разве, мол, народ не хочет, чтобы Страна восходящего солнца играла в мировой политике роль, адекватную ее экономическому потенциалу, чтобы она стала постоянным членом Совета безопасности? Но, чтобы участвовать в миротворческих операциях ООН, она должна посылать своих военнослужащих за пределы страны. А это завершающий шаг к тому, чтобы вооруженные силы обрели легитимный характер.

Словом, под голубым флагом ООН японские «силы самообороны» не только выходят на мировую арену, но и впервые обретают законный статус у себя на родине. Верна народная пословица: «Сколько ни тверди, что головастик совсем не похож на лягушку, из него все равно вырастет лягушка».

Самурайский кодекс чести, сложившийся в средневековой Японии, внедрялся в быт народа буквально острием меча. Воин мог лично казнить любого простолюдина, обвиненного им в непочтительности. Существовал старинный обряд «танесигири». Культ меча предписывал, что новый клинок желательно опробовать на человеческом теле. Старинные гравюры свидетельствуют, что жертвами этого оказывались бродяги, спавшие на улице, или крестьяне, возвращавшиеся с полей.

Зловещая сущность обряда «танесигири» обретает в наши дни актуальное политическое звучание. Судя по всему, у Токио возникает соблазн опробовать на деле военный потенциал, воссозданный в обход конституции. И тут уместно вспомнить еще одну японскую пословицу: «Человеку с молотком в руке всегда хочется ударить по любому торчащему гвоздю».

Отряд Божественного ветра

Я стою в мемориальном парке на полуострове Сацума в южной префектуре Кагосима. Он называется музей памяти Токко. Это слово некогда служило кодовым названием Особого ударного отряда Божественного ветра – авиачасти, состоявшей из пилотов-смертников.

Вокруг – холмы с бамбуковыми рощами, чайные плантации, уступчатая мозаика рисовых полей. А сам мемориал – это японский вишневый сад, где сейчас, как и весной 1945 года, буйно цветет сакура. Считается, что этот национальный цветок символизирует душу воина. Лепестки сакуры опадают совсем свежими, не желая поступаться своей красотой – как и самурай, который смолоду готов отдать жизнь ради долга.

Когда-то именно здесь, на полуострове Сацума, по инициативе вице-адмирала Ониси был создан Особый ударный отряд Божественного ветра. Это название воплощало собой историческую параллель.

В середине тринадцатого века монгольский правитель Китая – Хубилай предпринял попытку захватить Японию. Он повелел поставить поперек пролива десять тысяч судов, соединить их настилом и пустить по такому мосту монгольскую конницу. Однако сезон тайфунов, обычно начинающийся в сентябре, на сей раз разразился в июле и разметал корабли Хубилая. Это природное явление японцы назвали Божественным ветром (камикадзе).

В 1945 году после провала Тихоокеанского блицкрига Япония вторично в своей истории оказалась под угрозой иностранной интервенции. И вот тогда вице-адмирал Ониси предложил сделать воплощением Божественного ветра пилотов-смертников, которые направляли бы свои начиненные взрывчаткой самолеты на американские корабли.

Базу особого ударного отряда разместили на полуострове Сацума. Брали туда только добровольцев. Было много желающих из числа пилотов с боевым опытом. Но поскольку для подготовки летных кадров остро не хватало горючего, командование сделало ставку на молодежь.

Как известно, новичку за штурвалом легче всего взлететь и продолжать полет. Наибольшая часть времени обычно уходит на искусство совершать посадку. Однако курсантов приземляться не учили. Камикадзе отправлялся в свой первый и последний боевой вылет без парашюта. Причем, оторвавшись от земли, он не убирал, а отбрасывал шасси, чтобы потом их могли использовать другие. Так что ему оставалось только таранить противника.

Последнюю ночь перед вылетом смертники проводили в хижине среди цветущей сакуры. Там они писали прощальные письма родителям и невестам. А утром, когда поступали разведданные о кораблях противника, надевали белые налобные повязки с красным кругом, как на японском флаге, выпивали с товарищами по прощальной чашке саке.

С весны 1945 года пилоты-смертники потопили 34 и серьезно повредили 288 боевых кораблей и вспомогательных судов США. По подсчетам японских историков, на долю смертников приходится 80 процентов потерь американского флота на заключительной фазе боевых операций на Тихом океане. Но чудо-оружие не смогло изменить ход войны. Когда это стало очевидно, вице-адмирал Ониси, сознавая ответственность за гибель своих подчиненных, вслед за ними ушел из жизни, сделав себе харакири.

Перед входом в мемориал на полуострове Сацума высится каменная скульптура пилота, стилизованная под буддийскую статую. В ее постамент врезаны 1036 табличек. На каждой из них – имя и две даты. Год гибели у всех один – 1945. Но мою душу глубоко всколыхнула другая цифра. Большинство летчиков-камикадзе родились в 1926 году. К концу войны им, как и мне, исполнилось 19 лет. Эти юноши добровольно записались в смертники, когда их стране действительно грозило чужеземное вторжение. Они без колебаний пожертвовали собой, дабы не допустить этого. И мои ровесники заслуживают того, чтобы соотечественники чтили их память.

Вспомнились слова на памятнике жертвам атомной бомбы в центре Хиросимы: «Спите спокойно, это не повторится!» Такая же надпись, на мой взгляд, могла бы завершить и 1036 табличек с именами пилотов-смертников в мемориальном парке на полуострове Сацума.

Первопроходец к могиле Зорге

Мне выпала судьба первому из моих соотечественников положить цветы к могиле легендарного советского разведчика Рихарда Зорге. К скромной каменной плите, где тогда значилось только имя, написанное готическим шрифтом, меня и коллегу из Москвы привела Ханако Исии.

Эта японка, которая шесть лет прожила в Токио вместе с Зорге, не значится в списках его разведгруппы. Но она тоже совершила подвиг, посвятив оставшуюся жизнь тому, чтобы найти останки любимого человека, похоронить его как подобает, сохранить потомкам память о нем. Впервые приведя на отдаленное токийское кладбище двух советских журналистов, Ханако разрыдалась и с трудом выговорила:

– Я двадцать лет жила мечтой о том, что поклониться Рихарду наконец придут люди из страны, за которую он отдал жизнь…

Вскоре в «Правде» был опубликован очерк «Товарищ Рихард Зорге». Наш народ впервые узнал о непревзойденном разведчике. А пару недель спустя, как раз в двадцатую годовщину казни, ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Нас все-таки не зря называют «страной с непредсказуемым прошлым». Многие яркие эпизоды нашей истории порой держатся за семью печатями. Так было и с Зорге. Летом 1964 года в Японию прилетел политический обозреватель «Правды» Виктор Маевский. Он рассказал, что на даче у Хрущева показывали французский детектив «Кто вы, доктор Зорге?». После фильма Никита Сергеевич риторически изрек: «А разумно ли мы поступаем, что открещиваемся от такого выдающегося разведчика?»

Сообщив мне об этом, коллега из Москвы поинтересовался: знают ли о Зорге японцы? Я ответил, что в отличие от наших соотечественников здесь о нем знают почти все. В Токио не сходит со сцены пьеса «Рихард Зорге», которую написал младший брат казненного вместе с ним журналиста Ходзуми Одзаки. Стала бестселлером автобиография, которую Зорге за три года написал в камере смертников. (Его арестовали 16 октября 1941-го, а повесили 7 ноября 1944-го.) Популярны мемуары Ханако Исии «Зорге как человек».

Встретиться с автором пьесы, разыскать через него Ханако Исии, чтобы вместе с ней поехать на могилу Рихарда Зорге, не составило труда. Потом я несколько дней обстоятельно беседовал с ней, восстанавливая картину их знакомства.

Ханако впервые встретилась с Рихардом 4 октября 1935 года. В ресторане «Золото Рейна», где она прислуживала в зале, собирались германские дипломаты, коммерсанты, журналисты. Хозяин почтительно беседовал с элегантным широкоплечим мужчиной и, увидев Ханако, послал ее за шампанским.

– Этому господину сегодня исполнилось сорок лет, – сказал он. – Постарайся, чтобы гостю запомнился праздничный вечер!

Девушки из «Золота Рейна» славились образованностью, умением развлекать гостей остроумной беседой. Но на сей раз Ханако чувствовала себя скованно. Лицо Зорге показалось ей суровым и замкнутым.

– Люди веселятся в день рождения, а вам, наверное, скучно у нас, – вымолвила она, подливая в бокал вино.

– Если тебе доведется отмечать сорокалетие так же далеко от родных мест, поймешь, что это за событие, – усмехнулся иностранец.

Неделю спустя Рихард увидел Ханако в магазине грампластинок на Гиндзе и дружески улыбнулся ей.

– Ты так старалась скрасить мой день рождения, что тебя надо наградить. Бери в подарок любую пластинку!

Ханако взяла «Дубинушку» Шаляпина, Рихард – «Героическую симфонию» Бетховена и предложил вместе прослушать пластинки у него. Они стали регулярно встречаться. Вскоре Ханако поселилась у Рихарда. В те времена японки нередко становились «временными женами» иностранцев подобно Чио-Чио-сан.

Ханако Исии не догадывалась, что шесть лет делила кров с руководителем иностранной разведгруппы. Глазам японки был открыт журналист-востоковед. Но эти профессии были не только «крышей», но и важнейшими слагаемыми успеха Зорге-разведчика. Именно его эрудиция влекла к нему осведомленных людей, именно она помогала определять достоверность и ценность сведений, не только узнавать, но и осмысливать, предвидеть.

Арест Рихарда, личного друга германского посла, секретаря местной партийной организации НСДАП, был для Ханако, как и для всех, полной неожиданностью. Лишь после войны в японской печати появилась публикация «Тайны дела Зорге – Одзаки». Из нее японка впервые узнала, что оба разведчика были повешены, останки Одзаки передали его жене, а тело Зорге закопали на пустыре близ тюрьмы.

Последние строки взволновали Ханако больше всего. Как обезумевшая, бродила она среди безымянных заброшенных холмиков. Но именно в этот момент отчаяния жизнь снова обрела смысл. Найти останки Зорге, поставить памятник на его могиле, рассказать людям о том, что это был за человек, – вот ее долг!

Интерес к легендарному советскому разведчику был так велик, что один из популярных журналов опубликовал двести страниц воспоминаний Ханако «Зорге как человек». Часть полученных за это денег она отдала тюремному сторожу. Тот помог найти труп иностранца, которого было легко опознать по зубному протезу (результат аварии близ Иокогамы при езде на мотоцикле). Оставшихся денег хватило, чтобы купить участок на кладбище, захоронить там урну с прахом Рихарда и установить надгробную плиту (она сохранилась у меня на снимке). Нынче там установлен новый памятник, где рядом с именем разведчика красуется звезда Героя Советского Союза.

Стать первопроходцем к этой могиле для меня не просто высокая честь. Девиз Зорге «Чтобы узнать больше, надо знать больше других» служит для меня напутствием в жизни. Быть интересным для интересующих тебя людей, уметь делать правильные выводы из полученных от них сведений – вот залог успеха и разведчика, и журналиста. Не побоюсь сказать, что у этих профессий есть нечто общее.

Как я передавал явку

В моей жизни был один-единственный случай, когда мне довелось совершить то, что сотрудники спецслужб называют оперативной работой. А именно – передать явку, то есть место и время конспиративной встречи.

Положа руку на сердце, могу сказать, что за полвека своей журналистской деятельности никогда не был «совместителем». И заслуги моей тут нет. Просто «компетентным органам» была дана установка обходить сотрудников «Правды» стороной, дабы не рисковать репутацией главной партийной газеты.

Это отнюдь не значило, что во время работы за рубежом мне не приходилось общаться со многими «ближними и дальними соседями», то есть сотрудниками КГБ и ГРУ, работавшими под крышей посольства или торгпредства. Среди них часто встречались яркие личности, с которыми было интересно и полезно обмениваться выводами и оценками, чтобы глубже вникать в суть происходящего в стране. В моей автобиографической поэме, не предназначенной для публикации, есть такие строки:

В жизни заграничной я
Не жил без компании.
Был я близок с «ближними»,
Выпивал и с «дальними»…

Случай, о котором я упоминаю, имел место в Японии в 1963 году. Для корреспондента советской партийной газеты это было непростое время, руководители Компартии Японии (Носака, Миямото, Хакамада) перешли на пропекинские позиции, на все лады критикуя «советских ревизионистов». Лишь глава парламентской фракции Сига сохранил верность Москве. Наиболее рьяным антисоветчиком был Хакамада – родной дядя знакомой нам Ирины Муцуовны. Чтобы следить за тем, поддерживает ли КПСС контакты с «раскольниками», он внедрил в корпункт «Правды» в качестве шофера своего зятя.

Назревший в КПЯ раскол выплеснулся наружу при ратификации Московского договора о запрещении ядерных испытаний. Вторя Пекину, депутаты от КПЯ выступили против него, и лишь председатель их фракции проголосовал за. И вот в этот драматичный момент у нашего советника по партийным связям прервалась связь с Сигой. При последнем контакте его человек не смог договориться о новой встрече.

Советник слезно умолял меня выручить его. Дескать, дипломату трудно выйти на Сигу. А для корреспондента «Правды» вполне естественно попросить у него интервью. И в конце разговора передать, что знакомый ему связной будет в пятницу в 16 часов ждать его на втором этаже книжного магазина «Марудзэн», где продают монографии по международному праву.

Через пресс-службу парламента я официально попросил о встрече с главой фракции коммунистов. Интервью прошло гладко. В конце беседы удачно ввернул фразу о книжном магазине. И тут Сига заговорщическим шепотом произнес: «Я сейчас дам вам пакет, который нужно переслать в Москву товарищу такому-то». (Он назвал фамилию известного лица со Старой площади, которое не раз бывало в Токио.)

Пока Сига открывал стоявший в углу сейф, в моей голове вихрем закружились мысли. По всем инструкциям, принимать от иностранца пакет, не зная, что в нем лежит, категорически запрещалось. Откуда мне знать, только ли информацию о КПЯ передает Сига нашему советнику по партийным связям? А если меня возьмут с поличным при документах, касающихся японских вооруженных сил, то без дипломатического иммунитета можно лет на пятнадцать угодить в тюрьму за шпионаж.

Сига достал из сейфа фирменный пакет универмага «Мицукоси» и протянул его мне. Мысли снова бешено закрутились, но уже в обратном направлении. Вправе ли я отказать человеку-легенде, одному из основателей Компартии Японии? Ведь я еще был пионером, делал доклады о героях Коминтерна, когда Сига уже томился в одиночной камере тюрьмы Сугамо, где провел 18 лет. И вот перед таким человеком я предстану как трус, который заботится лишь о собственной шкуре?

Словом, после минутного колебания пакет из универмага взял. Хотя понимал, что в парламенте он явно бросается в глаза. Вышел в длинный коридор, по оба конца которого маячили фигуры часовых. Мелькнула мысль: может, зайти в туалет, взглянуть, что за бумаги я несу? Но махнул рукой – была не была! Степенным шагом миновал шеренги полицейских, охранявших парламент от демонстрантов, взял такси и назвал адрес советского посольства.

Поднялся в «кочегарку», где работали шифровальщики, писали свои донесения «ближние» и «дальние» соседи. Дежурный пощупал пакет, подивился его легкости и мягкости. И попросил подождать, пока составят опись, которую мне надлежит подписать. Вскоре из-за перегородки раздался хохот. В зачитанном мне списке значилось следующее: две женские мохеровые кофты, мужской свитер, спортивный костюм «Адидас», плащ-болонья. Налицо был типичный «джентльменский набор» советского командированного тех лет. Видимо, «товарищ такой-то» когда-то покупал нечто подобное в Токио или попросил старого знакомого прислать ему все это.

Выслушав мой эмоциональный рассказ о том, каких страхов я натерпелся ради злополучного пакета, оказавшегося банальной посылкой, советник по партийным связям принялся извиняться. И в качестве компенсации за моральный ущерб оформил мне ящик виски по дипломатической выписке, то есть за полцены. Так я поставил пятно на своей репутации «чистого» журналиста. Ибо не только участвовал в оперативной работе, но и, как оказалось в итоге, сделал это не бескорыстно.

На собрании с Ширли Маклейн

На постоянную работу за рубеж журналист выезжает с семьей. Так что детство моей дочери Любы прошло на Дальнем Востоке – от 0 до 5 лет в Китае, от 7 до 14 лет в Японии.

Когда я в 60-х годах работал в Токио, дочь училась в двуязычной частной школе. На родительских собраниях отцы или матери, как и у нас, рассаживались на места своих детей. Моим неизменным соседом был мистер Паркер – представитель киноконцерна «Метро Голдвин Майер» на Дальнем Востоке. Но однажды рядом со мной оказалась вроде бы невзрачная рыжеватая женщина, поразительно на кого-то похожая. Долго ломал голову, прежде чем решился сказать:

– Вы мне напоминаете молодую Ширли Маклейн в ее первых фильмах…

Услышав эти слова, соседка всплеснула руками и рассмеялась:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.